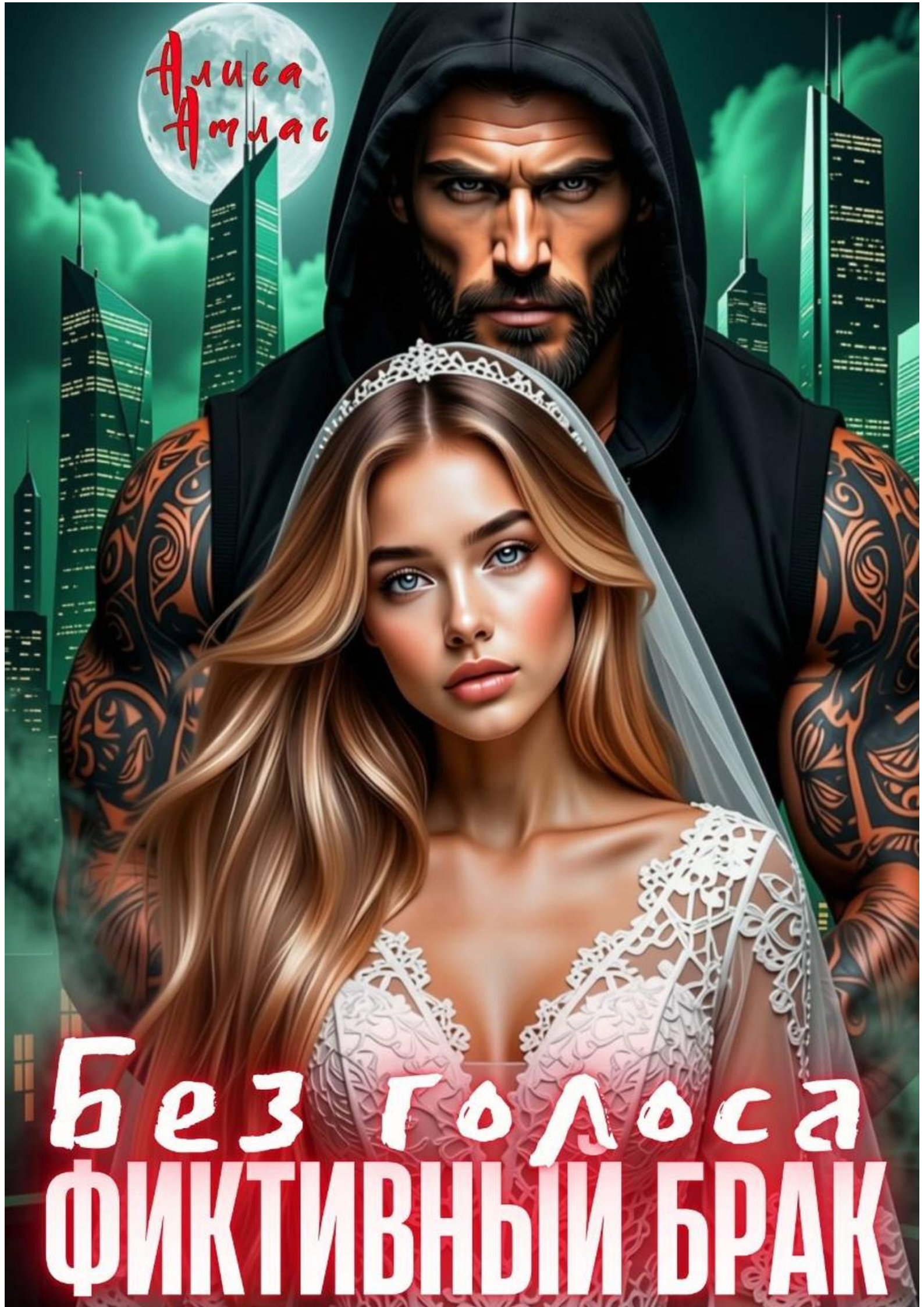

Алиса
Атлас

Без голоса
ФИКТИВНЫЙ БРАК

Оборотни БСС

Алиса Атлас

Фиктивный брак. Без голоса

«Автор»

2026

Атлас А.

Фиктивный брак. Без голоса / А. Атлас — «Автор»,
2026 — (Оборотни БСС)

Я — Ниира. Дочь альфы крупного клана. Известная певица. Завидная невеста. Но в полнолуние сын Альфы Железных бросил меня у древнего алтаря. Он хотел покрыть моё имя позором и развязать войну между нашими кланами. Но к алтарю сошлись наследники крови, и у меня есть выбор: остаться опозоренной невестой или потребовать другого жениха. Тем более, что в кольце волчьих глаз на меня без ненависти смотрят только двое: сын Альфы Железных — изгой, которого отец не признал и наследник Стальных, враждующих с Железными веками. С одним из них я заключу фиктивный брак. С другим — свяжет древний обычай свидетеля. Но за этот брак я заплачу самым ценным, что у меня есть. Кого выбрать зная, что без голоса мне не жить? От автора: Книга из мира Лакстера и Лирики . Самостоятельный роман.

Содержание

Алтарь	5
Выбирай	8
Перекличка	11
Свидетель	15
Обряд	17
Голос безмолвия	20
Брат	23
План	26
Не мешай!	28
Пригорело	31
На самом деле	33
Информационная атака	35
Пресс-конференция	37
На разрыв	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Алиса Атлас

Фиктивный брак. Без голоса

Алтарь

Я шла через кладбище в сгущающихся сумерках полнолуния. Свадебное платье постоянно цеплялось то за ограду могил, то за колючую сорную траву. Одной рукой я поддёргивала подол, а второй пыталась откинуть за спину, светлые длинные локоны.

Юбка была красивой, струящейся. Но и она не уместилась на безопасном от колючек расстоянии, потому что рядом со мной грузно переваливаясь шла сторбленная старуха в чёрном с серыми нитями. Прабабка моего жениха не удостоила меня даже тенью улыбки.

За ритуальные чётки она тянула меня к святилищу на вершине похоронного холма, как девственницу к ритуальному костру. От этого по спине прокатывалась холодная волна и руки леденели на гладких пластинах чёток.

— Пугливая ты какая-то, Ниира, не для Фάρта, — буркнула старуха, и её слова во мне отозвались болью.

— Не знала, что свадьба и медовый месяц будут на кладбище, — я попыталась сгладить неприятное впечатление.

— А где же им ещё быть? Только среди семьи. Вот же они все, родненькие. Это вы, переселенцы, ушли от своих святилищ, а кости — это хорошо. На костях вся жизнь стоит.

Она обвела свободной рукой могильные холмики, а потом снова дёрнула меня за чётки в сторону святилища, острой крышей рвущего небо.

В этот же миг внутри святилища раздался волчий вой призыва. Я рождена в клане Чёрных, но даже не состоя в родстве с Железными, я чувствовала его мощь. У меня в жилах начала стечь кровь, но я не сдалась.

Выпрямив спину, я поднялась по ступеням. Шла навстречу крупному чёрному волку у алтаря. Слышала его вой, грохот своего сердца и клацанье чёток: тук, тук, тук. А потом к ним присоединился топот шагов за моей спиной.

В святилище входили друзья жениха. Его кровные неженатые родственники. Молодые мужчины чем-то неуловимо похожие между собой. Брюнеты от двадцати до тридцати лет. Они все были нарядно одетыми. И подходили к алтарю беззастенчиво меня разглядывая.

Они смотрели на меня как на мясо. И мне казалось, что его качество присутствующих не устраивало.

Парни усаживались на скамьи, поставленные вокруг алтаря. Мой жених набрал воздух в лёгкие, чтобы снова продолжить призывать женихов-кровников, когда от входа раздалось тяжёлое лязганье кованых ботинок, подбитых металлическими набойками.

От мужчины веяло опасностью. Все взгляды устремились к нему. Я видела многое в своей жизни. Но вот такой концентрированной ненависти и презрения в сторону одетого в камуфляж громилы я не встречала.

Он отвечал тем же. А когда его взгляд скользнул в мою сторону, я почувствовала, что меня окатило кипятком. Кроме ненависти и презрения, мне в горло вцепились неприкрытым желанием.

Жарким чувством, воспламенившим меня изнутри. Я не знала этому названия. Только понимала, что никогда прежде на меня так не смотрел. Я замерла, перестав дышать, и пытаюсь успокоить внутренний огонь.

Что происходит? Кто он? Это моя свадьба! Нет!

Я вздрогнула. Жених завыл и резко оборвал призыв на высокой ноте. Качнулся в сторону алтаря, и уже через пару секунд передо мной стоял Фарт в чёрном, с серыми нитями, костюме жениха.

— Так быстро завершаете призыв, наследник? – проскрежетал старческим голосом жрец, вышедший из тёмной ниши.

— Достаточно. Уже и так принесло мусор. Давайте начинать церемонию.

Жрец трижды хлопнул в ладоши. За мной заскрипели массивные створки входной двери. Но ещё до того, как грохот оповестил о запечатывании святилища, в него успел проскользнуть светловолосый парень лет 25.

Его стальной костюм сиял среди черно-серых одежд Железных, как чужеродное пятно. Парень оглядел присутствующих, кивнул из вежливости мужчинам. А потом повернулся ко мне и улыбнулся светло и приветливо. словно мы дружили миллион лет.

— Проклятое полнолуние! – взвыл рядом со мной Фарт. – Давайте начинать!

Жрец натянул посылнее капюшон и встал перед алтарём. Одетый в камуфляж не сводил с меня жаркого взгляда. Он подошёл к скамейке, стоящей прямо напротив меня и кузенов Фарта словно ветром сдуло в противоположную сторону.

Парень в стальном сел с краю, глядя на меня с доброжелательным интересом. И теперь появилось ощущение, что я стою в кругу мужчин, часть которых в чёрных с серым костюмах – со стороны жениха, а двое, одетые не по форме, моя родня. От этого стало немного спокойнее.

Зазвучала музыка, пробирающая до костей. Я стояла в центре круга. На острие взглядов волчьих глаз наследников крови Железных, которых призвал алтарь. Рядом со мной Фарт. Сын Альфы Железных. Красивый, как картинка.

Дерзкий. Высокомерный, как будто мир принадлежал ему по праву рождения. Он смотрел на меня сверху вниз, и я чувствовала себя украшением для его коллекции, а не желанной невестой, не будущей женой. Вещью.

Я — дочь Альфы Черных. Известная певица. Завидная невеста. Но здесь, в кругу женихов у брачного алтаря Железных, я чувствовала себя женщиной, которая ждала приговора. Музыка пробирала насквозь, рождая в моей душе страшные видения.

Жрец читал молитвы постепенно возвышая голос. Слова пропитывали воздух, ложились на мои плечи тяжестью. Окутывали появившуюся в верхней части готического окна полную луну зеленоватым туманом.

Я положила чётки на алтарь, продолжая удерживать их заледеневшими пальцами. Скорее бы уже! Пусть Фарт подойдёт, прикоснётся к связке пластин и скажет: «Я беру тебя в жены». Но он медлил.

Я скользнула взглядом в сторону одетого в камуфляж мужчины, словно ища подсказки. Но его взгляд из-под надвинутого капюшона худи обжёг чистым желанием, и я отвернулась, глядя на жениха.

Он не сдвинулся с места. Музыка стихла. Молитва закончилась. Напряжение пронзило меня насквозь. Окутало душным коконом предчувствием беды. Сдавило горло чадом факелов и запахом недавнего оборота.

— Фарт, — спросил жрец. — Ты согласен?

Я взглянула на жениха, ища ответа. Но в его глазах не было интереса, вызова и симпатии. Теперь в них плескалась ничем неприкрытая ненависть и презрение. Такое концентрированное, словно Железный смотрел не на невесту, а на незваного гостя.

— Нет, — отчеканил Фарт. — Я не женюсь на певичке с грязной кровью. Она мне не нужна. — И словно желая меня добить окончательно, продолжил, — в это проклятое полнолуние ты становишься неприкасаемой порченной невестой, Антрацитовая! Я всё сказал!

Жрец охнул и покачнулся. Железные ухмыляясь переглянулись и пожали руку подошедшему Фарту. У меня подкосились ноги, и, чтобы не упасть, я вцепилась обеими руками в алтарь. Чётки блеснули рунами в свете полной луны.

А потом, в наступившей зловещей тишине захохотал мужчина в камуфляже. Он запрокинул голову, и когда капюшон скользнул на плечи, я увидела, что он рыжий!

Рыжий, как огонь. Как пламя. Как цвет, с которым в клане Железных проклинали с рождения. Я смотрела на него, и сердце колотилось где-то в горле. Он не должен был быть здесь.

Но он был. Смеялся над моим позором. А я знала: в святилище уже двое проклятых. Я и он.

Выбирай

Я всё поняла сразу. По тому, как суетливо жрец пытался ослабить завязки плаща на шее и свора Железных, одетых в чёрное с серым смотрела на меня. Презрительно, высокомерно, радостно. Но красноречивее всех был взгляд Фарта.

— Это такая глупая шутка? – спросила я, борясь с бурей в душе.

— Это такая глупая, брошенная у алтаря невеста, которую больше никто и никогда не подберёт, — ухмыльнулся Фарт. — Бракованная кровь переселенцев без традиций и памяти. Порченная от рождения.

Рыжий дёрнул головой, словно ему прилетело кулаком по лицу. И это меня достало. Вернуло в реальность, о которой во всех страшных сказках написано. И к горлу начали подкатывать рыдания.

— И почему же моя кровь тебя устраивала на сватовстве? Что изменилось за последние три дня? Чем я стала хуже встречи, где ты клялся моему брату Альфе Антрацитовых?

Железные хмуро заёрзали на лавочках, бросая в мою сторону уничтожающие взгляды. Вот только Фарту было всё равно. Он не передумал. У него и не было в планах на мне жениться.

— Тебе не понять, — высокомерно ответил он. — У певичек мозг размером с орех. Вам только на косметику и на шмотки его хватает. А отношения – не вашего ума дело.

— И ты нарушишь клятву? – я попыталась исправить ситуацию.

— А клятвы и не было! – рассмеялся Фарт. – Поболтали с Лакстером. Он согласился, что распишемся после святилища. А тут я тебя не беру! Ты мне не нужна!

Меня затрясло от унижения. Слёзы потекли по щекам. Руки, держащие чётки с сияющими рунами задрожали. Меня душило отчаянье, от происходящего. Нееееет! Это не могло произойти со мной!

— Но зачем было всё это затевать? Почему со мной? – спросила я хрипло.

— Да потому что у Лакстера больше нет сестёр! Ты сама по себе полное ничтожество! Но запомнись только тем, что была сегодня брошена у алтаря. Глупая певичка из переселенцев! Безмозглая девка...

— Хватит! – рявкнул рыжий. — Если тебе не хватило мужества решать вопрос, не унижая девушку, хоть сейчас не позорься.

— Это кто там твякает? Хотя это и понятно. У тебя к гулящим сукам любовь!

Я замерла. Рыжий вступился за меня. Это было так неожиданно, что я перестала дышать. Мужчины повскакивали с мест, замерли в боевых стойках.

— Не смей! – осадил мужчин жрец. – Никакого насилия в святилище! Вам что, жить надоело?

Оборотни нехотя расселись обратно. А я стояла у алтаря и плакала от бессилия и унижения. С Фартом я больше не могла говорить. Повернулась к жрецу. Тот продолжал теревить завязки плаща сморщенными ручками.

— Это правда? Так можно сделать?

— Можно, — горестно ответил он. — На моей памяти такого не случалось, но в летописях сказано...

— Понятно, — всхлипывая перебила я жреца. Тогда я еду домой. Мне в этой своре делать нечего.

Но он вцепился в моё запястье намертво, не давая отойти от алтаря.

— Не торопитесь, Нийра из Антрацитовых, остановил меня жрец. — Вы не можете покинуть святилище.

— Почему? – не поняла я.

— Вы могли выйти из него женой. Алтарь засвидетельствовал бы ваши клятвы и распахнул двери. Но если бракосочетание не произошло, присутствующие должны просидеть внутри сутки.

— Да зачем?

— Чтобы соблюсти правила. — Теперь голос жреца налился силой. Он был в своём праве и с удовольствием диктовал нам, кто и что должен делать. — Женихи могут читать скрижали на стенах. Невеста – погрузиться в молитву с родовыми чётками.

— Вы сошли с ума?

Я оглядела присутствующих. Но на их лицах ни улыбок, ни протестов не было. Только неудовольствие и разочарование. От отчаянья схватила чётки и, едва не наступив на свой подол, рванулась из круга.

Выхода не было ни в едином из доступных смыслов. Забившись в дальнюю нишу, я рухнула на деревянную скамейку и плакала, уже не пытаюсь сдерживаться. А зачем? Когда открываются двери, я стану самым презируемым существом на территории БСС.

Потому что Большой Совет Стай решает только политические и силовые конфликты. А сердечные и моральные – не в его ведении. Это решает Альфа. Я только представила, как вернусь без мужа к Лакстеру. И как ему придётся решать судьбу презируемой сестры.

Нет, брат не отвернётся, и его жена Лирика встанет на мою защиту. Но каждый оборотень в любой из стай, будет знать, что я неприкасаемая. И тогда мне будет не до выступлений. Потому что кто пойдёт слушать вокал брошенной у алтаря?

Я разрыдалась ещё сильнее. Стараясь хоть как-то успокоиться, схватила чётки с мерцающими рунами. Они не были просто бусами, а состояли из плоских металлических пластин, скреплённых верёвочкой на небольшом расстоянии.

Они нагрелись у меня в руках, обжигая пальцы. Я отыскала начало у замочка в форме волчьей лапы и начала читать то, что едва можно было рассмотреть в тусклом свете нацарапанной нечёткой вязью на гладкой металлической поверхности.

Я перебирала чётки, пытаюсь сосредоточиться. Просто чтобы не сойти с ума от жалости к себе, страха, обиды и ненависти.

Одна пластинка. Две. Три.

— Смотрите, она молится, — сказал кто-то с издёвкой в голосе.

А я не молилась, я просто пыталась перестать плакать и начать дышать.

Четыре. Пять. Шесть.

— Лишь полнолуние настанет... Вязь на пластинах начала складываться в слова, а те в предложения. Я читала их просто чтобы хоть что-то делать. Не слышать подколы свиты Фарта, насмешки и издевательства. Потом начала проговаривать их шёпотом:

Жених всех кровников зовёт...

— Невеста выберет его...

Не будет платой ничего...

— Но если будет мил другой...

То потеряешь ты покой...

— И этот круг замкнут века...

Здесь очень плата высока...

— Чем больше дорожишь отдай...

И твой венчальный каравай...

— Тут, даром, жизнь не заберут,

Ведь ценник непомерно крут...

— Алтарь лишь плату заберёт...

Женой ты станешь наперёд...

— Ты посмотри, хорош любой...

Теперь же выбор за тобой...

— И не посмеет отказать...

Кого ты выберешь назвать...

Я перечитала. И снова. «Выбор за тобой». За мной? Слёзы моментально высохли, а чётки нагрелись. Я подняла голову. Посмотрела на жреца.

— Я могу выбрать жениха сама? — спросила тихо.

Хриплый голос казался чужим. Жрец повернулся в мою сторону. Пожал плечами. Оборотни в кругу переглянулись и заёрзали. Только двое на моей стороне не шелохнулись. Камуфляжный смотрел с вызовом, стальной с улыбкой.

— Да это старая легенда. С того времени, когда волчиц было мало. Тогда невеста приходила в круг и выбирала лучшего жениха. Сейчас ситуация другая.

— Какая разница? — Я вскочила на ноги. — «И не посмеет отказать, кого ты выберешь назвать». Вы мне столько сказали про традиции и верность роду. На зов притащили всех подходящих кровников с округи. А что с моим правом выбора жениха?

— Да это и не традиция вовсе. Так, сказки, предания, — начал мямлить жрец.

Но меня уже было не остановить. Я едва ли не бегом вернулась к алтарю. Впечатала в него нагретые почти до ожогов чётки. Они полыхнули зеленоватым огнём полнолуния. Обвела присутствующих взглядом и громко произнесла:

— Тогда будем их соблюдать! — Я посмотрела на сидящих в круге. Задержалась на рыжем. Он смотрел на меня в упор, и в его глазах не было насмешки. Только вызов. — Сейчас я выберу жениха сама!

Перекличка

Я стояла у алтаря, и впервые за этот долгий вечер надо мной не смеялись. Во взглядах не было уважения. А вот страх, мерзкий животный ужас можно было прочесть в глазах большинства оборотней.

Треск факелов рвал тишину. Железные замерли на скамьях. Они испуганно переглядывались, но возражать не решались. Смотрели на меня так, будто я держала в руках не чётки, а меч.

— Ты не можешь, — прошипел Фарт. — Это не...

— Не твякай, — сказала я.

Более неуважительного обращения к волку придумать было нельзя. Но Фарт его проглотил. Я сама удивилась своему твёрдому холодному голосу. Медленно пошла по кругу. Подол цеплялся за выбоины в полу, и я сразу вспомнила, как шла через кладбище.

Чётки щёлкали, как стрелки старых часов. Пришло моё время. Я не могу быть опозоренной сильнее. Лучше любой муж, чем титул брошенной невесты. И те, кто час назад смотрели на меня как на мясо, теперь были товаром в витрине.

Они отводили глаза, но мне было всё равно. Я остановилась перед первым. Брюнет, лет двадцати пяти, в идеальном чёрном костюме с серой нитью на лацкане. Он сидел с краю, пытаюсь слиться со скамьёй.

— Как тебя зовут?

— К-как? — Он дёрнулся. — К-Корт.

— Чем ты занимаешься, Корт?

— Я-а-а, — он торопливо сглотнул. — Я помогаю отцу в торговых делах. У нас есть пара лавок. Ничего особенного. Я небогат. Совсем. Живу скромно. Жену обеспечить не смогу.

Он говорил быстро, захлёбываясь, будто от этого зависела его жизнь.

— Кем приходишься Фарту?

— Двоюродным братом по отцу.

— То есть, твой дядя — Альфа стаи?

Парень побледнел как полотно.

— Д-да.

— Небогат, — повторила я. — Живёшь скромно, племянник Альфы.

— Да-да! — Он закивал. — У меня нет ни территории, ни влияния, ни...

— Я не спрашивала про территорию и влияние, — перебила я. — Мне было просто интересно, что ответит на простой вопрос о себе парень с бриллиантовыми запонками?

Он дёрнулся, как от удара. Теперь Корт был не просто бледен. Его кожа стала похожей на алебастр. Я хмыкнула и двинулась дальше. У сидящего рядом брюнета дёрнулось веко, и он скользнул по лавке в противоположную от меня сторону.

Я остановилась напротив.

— Как тебя зовут?

— Т-Торн, — выдавил он.

— Чем занимаешься?

— Я... болен.

Я подняла бровь.

— Что? Болен?

— Да, — он закашлялся, так неестественно, как я когда-то, пытаюсь прогулять школу. — Сильно болен. Очень. Врачи сказали, что я недолго протяну. Что у меня неизлечимая болезнь.

Он запнулся, подбирая диагноз.

— А конкретнее?

— Не знаю, — прошептал он. — Но точно что-то серьёзное. Долго не проживу.

Я смотрела на него. Он не выдержал взгляда, опустил голову. На его щеках проступил румянец во всю щёку. И от неловкости он сцепил руки в замок. Мышцы под тканью пиджака вздулись так, что могли его разорвать.

— Ты здоров, как бык, — сказала я спокойно. — Я вижу это по твоим рукам. По плечам. По тому, как ты сидишь. У тебя нет никакой болезни. Но я запомню тебя, Торн. И твою болезнь тоже.

Он молча опустил глаза, и его уши стали красными, как у нашкодившего первоклашки.

Я двинулась дальше. Теперь Железные ёрзали, переглядывались, но никто не смел встать и уйти. Они были загнаны в угол собственными же традициями. Силой алтаря, к которому хотели меня приколотить, как к позорному столбу.

Следующий попытался сказать, что он бесплоден. Его сосед — что у него дурная слава. Третий — что его род в опале у Альфы. Четвёртый просто сидел с белым лицом и открывал рот, не в силах выдать ни слова.

Я шла по кругу, и Железные превращались в трусливых щенков. Съёживались. Отводили глаза. Кто-то бормотал про долги, кто-то — про то, что у него уже есть невеста. Один сказал, что он вообще не мужчина, и я услышала, как кто-то сзади хмыкнул.

Никто не смотрел мне в глаза, кроме двоих, оказавшихся здесь случайно.

Я дошла мимо рыжего до скамьи, где сидел Стальной. Он не отводил взгляда, не бледнел, не выдумывал болезней. Смотрел спокойно, с лёгкой улыбкой, будто мы встретились в парке, а не в святилище, где меня только что бросили у алтаря.

— Как тебя зовут? — спросила я.

— Себрин, — ответил он. — Себрин из клана Стальных.

— Я ищу мужа, — напомнила я. — Что ты можешь мне предложить?

Он чуть склонил голову, и я заметила, как свет факелов играет на его светлых волосах.

— Я наследник Альфы Стальных, — сказал он ровно. — Мой клан силен. У нас есть земли, союзники, влияние. Я не беден, не болен, не опозорен. Я могу дать тебе защиту, уважение и свободу передвижения. Мы заключим союз с твоим братом, и Железные не посмеют тебя доставать.

— Какой по счёту наследник?

Себрин улыбнулся, отдавая должное моей проницательности.

— Четвёртый. Но мой отец прислушивается к моему мнению. А после того, как Железные убили моего старшего брата, я стал ближе к власти, чем хотелось бы. Этого достаточно, чтобы защитить жену. Ты будешь петь там, где захочешь. Никто не посмеет назвать тебя пороченной. — Он сделал паузу. — И ты мне нравишься, Ниира. Я видел тебя на концертах. Твой голос меня зацепил.

От неожиданности мою грудь пронзила боль. Слова о голосе безжалостно напомнили мне о том, чего я лишусь сразу же после выбора.

— Но, — продолжил Себрин, — я не буду врать и говорить, что влюблён в тебя с первого взгляда. Я трезво оцениваю ситуацию. Наш брак будет союзом двух кланов против Железных. Это выгодно нам обоим. А дальше — посмотрим.

Он говорил честно. Без прикрас. Без попытки выдать расчёт за чувства.

— Спасибо за честность, — сказала я.

— Ты заслуживаешь правды, — ответил он с улыбкой.

Я пошла дальше. Не будет у тебя, парень, жены с голосом. А союз вы и так с Лакстером заключите, если он захочет. За ним сила. А ещё, рудники и мощные предприятия. Этот союз ничего дополнительного Антрацитовым не даст. А вот Стальным накинёт очков.

Качнув головой, словно пытаюсь сбросить обаяние Стального, подошла к рыжему.

Он сидел на скамье, откинувшись так, будто был здесь хозяином. Капюшон худи теперь лежал на его плечах, и я могла рассмотреть лицо. Суровое. Резко очерченное, словно его вырезали быстрыми мастерскими ударами резца. С тяжёлой челюстью и шрамом над бровью.

Он не был красив. Он был опасен.

И он смотрел на меня так, как не смотрел никто. Не испуганно, не презрительно, не с расчетом. С вызовом. И с таким жаром, что у меня перехватило дыхание.

— Как тебя зовут? — спросила я.

— Грантер, — сказал он. Голос низкий, хриплый. — Первый сын Альфы Железных.

По кругу пронёсся недовольный ропот. Кто-то возмущённо вскрикнул. Грантер даже не повернул головы.

— Первый сын, — повторила я. — Но тебя не назвали наследником.

— Не назвали, — согласился он, не отводя глаз. — Я родился рыжим, и отец меня не признал. Я изгой Железной стаи. Выбери меня — и ты станешь женой того, кого в этой стае ненавидят.

Он говорил спокойно, без горечи. Как факт.

— Чем ты занимаешься?

— Работаю инструктором в гвардии БСС.

— Разбиваешь морды?

Он усмехнулся.

— Учю других бить морды. Это хорошая работа, но не топовая. Не в совете стаи. Она больше подходит для одиночки, чем для отца семейства.

— И всё же ты пришёл на зов крови. Зачем?

Он посмотрел на меня долгим взглядом. В его глазах плескалось что-то тёмное, тяжёлое, от чего мне захотелось сделать шаг назад. Но я не сделала.

— Хотел посмотреть, что за дура согласилась выйти за Фарта, — сказал он наконец. — Оказалось, не дура. — Он сложил на груди руки и из-под манжет показались острые края татуировок. — Дальше сама решай. Я не собираюсь врать, что у меня есть деньги или перспективы стать Альфой или, что полюблю тебя до гроба. Я даже не знаю, смогу ли быть хорошим мужем. Но я не предаю. И не брошу.

— Это всё, что ты можешь предложить? — спросила я, чувствуя, как страх парализует тело и волю.

— Это всё, что у меня есть, — ответил он.

Я стояла перед ним и смотрела в его глаза. В них не было ни мольбы, ни страха. Только правда. И магнетическое притяжение, которому я не могла противостоять. Я тонула в нём, теряя рассудок.

Железные сидели, вжав головы в плечи, как нашкодившие щенки, ожидающие наказания. Фарт прожигал меня взглядом, но молчал — жрец стоял рядом, положив руку на алтарь. Себрин смотрел с интересом. Грантер — с вызовом.

Я перевела взгляд на жреца. Чётки нагрелись снова, и я положила их на камень. Встала напротив жреца.

— Я сделала свой выбор, — сказала я.

Круг замер.

Я посмотрела на Себрина. Он ждал, спокойный, уверенный, с лёгкой улыбкой. Перевела взгляд на Грантера. Он сидел, не двигаясь, и его глаза горели в полумраке. Фарт смотрел с ненавистью, и именно он сделал мой выбор лёгким.

Я выбрала нужную пластину, зажала её между ладонями.

— Я выбираю этого, — сказала я, указывая на будущего мужа.

Оборотни ахнули. Пластина нагрелась, обжигая руки. Заиграла тревожная музыка. Взвились вверх языки факелов. А когда снова наступила тишина, я почувствовала, что внутри меня образовалась пустота. Я открыла рот, чтобы назвать имя, и не услышала ни звука.

Я больше не могла петь. Я больше не могла говорить.

Четки на алтаре полыхнули зеленым, и я поняла: плата взята.

Мой будущий муж смотрел на меня молча. В его глазах не было торжества. Только тихая, сдержанная боль, которую он не показывал никому. Я должна была отвести взгляд. Но не смогла.

А потом оборотни вскочили с мест и закричали разом.

Свидетель

Оборотни кричали.

Все разом, перекрывая друг друга, вскакивая со скамей, потрясая кулаками. Их лица исказились от страха, ярости и понимания, что их переиграли в грязной игре. Железные выглядели жалко, как кучка выброшенных на улицу щенков.

— Она не имеет права!

— Это не по правилам!

— Изгой не может быть наследником!

— Ржавый не войдет в нашу семью!

— Она никто!

— Её место среди неприкасаемых!

Голоса сливались в сплошной гул. Факелы метались, отбрасывая дикие тени на стены. Кто-то рванулся вперед, но жрец вскинул руку, и на алтаре вспыхнул зеленоватый свет.

— Никакого насилия в святилище! — его голос прозвучал на удивление твердо. — Вы все знаете правила. Алтарь защитит слабого, и агрессор будет повержен!

— Правила писаны не для ржавых! — выкрикнул кто-то из глубины.

— Правила писаны для всех, — жрец обвел присутствующих тяжелым взглядом. — И нарушивший их заплатит кровью. Алтарь не прощает.

Толпа замерла. Я видела, как они переглядывались, как гасли искры бунта в их глазах. Они боялись древней силы, которая сейчас пульсировала в камне зелеными сполохами. А во мне гулким эхом отзывалась пустота.

Я старалась не двигаться. Четки все еще были в руках, и я чувствовала, как они пульсируют в такт сердцу. Нагретые пластины не обжигали кожу. Они дарили тепло и уверенность. Они словно признали меня своей.

Грантер поднялся со скамьи. Медленно, не торопясь. Сделал шаг вперед, и я увидела, как Железные отшатнулись. Он смотрел на меня, а свора Фарта чувствовала его силу и право быть здесь. Претендовать и властвовать.

— Ты уверена? — спросил он. — Я самый проигрышный из возможных вариантов. Даже Корт лучше.

Я открыла рот, но не смогла издать ни звука. В горле застряла пустота, но я чувствовала, что могу дышать. Могу стоять и не отводить взгляд. Поэтому молча поднесла палец к губам и кивнула.

— Тогда, — он усмехнулся, и в этой усмешке была сила и решимость. Желание идти до конца. — Будем вместе против целого мира. Пара изгоев.

— Нет! — выкрикнул Фарт. — Это невозможно! Она останется брошенной невестой!

— Она заплатила самым дорогим и имеет право на любого из круга женихов. Ниира сделала выбор, и я её обвенчаю.

Жрец смотрел с вызовом. У него не было уверенности, что свора Фарта послушается. Но он готов был отстаивать правила даже в ущерб задумке наследника. Служитель культа был выше мирского. Он поддерживал традиции.

— Браку нужен свидетель! — выкрикнул кто-то из толпы. — У нее нет свидетеля!

Я обернулась. Железные оживились, зашептались. Кто-то довольно заулыбался.

— Да, свидетель! По закону нужен свидетель от стаи жениха!

— Никто из нас не пойдет!

— А без свидетеля брак невозможен, брошенная невеста!

Мне стало страшно. Я смотрела на лица Железных, которые из растерянных становились злобными. Они предвкушали, как смогут растоптать меня после того, как я унизила их друг перед другом. На глазах у изгоя Грантера и врага Себрина.

Они снова считали, что я проиграла. Что об меня можно будет вытереть ноги. Я перевела взгляд на Грантера. Он застыл, прищутив глаза и уперев руки в бока. Я видела, как напряглись мышцы на его челюсти. Понимала, что он бессилен против этого условия.

Нервы звенели натянутой струной. Неужели всё напрасно? Неужели мне придётся нести бремя брошенной безголосой невесты? В глазах защипало от слёз, горло сдавило безжалостным огненным обручем.

Мы с Грантером смотрели глаза в глаза, а рядом глумились, перешёптываясь, Железные. Неожиданно сзади меня раздался громкий уверенный голос:

— Я буду свидетелем.

Я обернулась.

Себрин поднялся со скамьи. Его стальной костюм блестел в свете факелов, как средневековые доспехи, светлые волосы рассыпались в беспорядке, словно после бега. Оборотень смотрел на Железных. И в его глазах не было улыбки.

— Ты не имеешь права! — заорал Фарт. — Ты не из нашего клана!

— Я здесь по зову крови, — спокойно ответил Себрин. — А значит, имею. Или вы забыли свои же правила?

Железные зашумели. Кто-то рванулся вперед, но снова отшатнулся от полыхнувшего зелёным алтаря.

— Это против традиций! Свидетель должен быть из стаи жениха!

— Традиции, — голос Себрина стал жестче. — Вы только что бросили невесту у алтаря. Вы унизили ее перед всеми. Отказались от клятвы. И теперь ссылаетесь на традиции? Я Железный по матери и Стальной по отцу.

— Только шлюха из Железных могла выйти замуж за Стального!

Себрин подобрался. Он сделал шаг вперед, и теперь я видела его лицо. Спокойное, но за этим спокойствием чувствовался металл. Он встал рядом со мной, напрягшись.

— Во мне есть кровь Железных. И Стальные, в отличие от вас, не судят людей как скотину по родословной. Нам нет разницы, у кого какой цвет волос и разрез глаз. А вы, как я посмотрю, только женщин и можете оскорблять.

Он метнул в меня взгляд, полный поддержки. А потом повернулся к Грантеру. И тот горько улыбнулся в ответ. А потом опустил руки, но сжал пальцы в кулаки.

— Я не брат вам, хотя мы троюродные, и у тебя, Фарт, та же бабка, что и у меня. Вы веками раздуваете вражду между кланами. И я буду свидетелем этого брака. Потому что даже враг честнее вас.

Он подошел ко мне ещё ближе. Остановился, коснувшись плечом плеча.

— Ты уверена? — спросил он тихо, только для меня.

Я кивнула.

Он улыбнулся. Легко, будто мы решали, куда пойти на ужин.

Жрец вздохнул. Посмотрел на меня, на Грантера, на Себрина. На Железных, которые замерли в злой беспомощности.

— Тогда, — Грантер повернулся к жрецу, — начинайте.

Обряд

Моя рука, лежащая на алтаре, до побелевших костяшек сжала чётки. Грантер встал с другой стороны от жреца. Накрыв своей ладонью мои пальцы, и тонкое запястье утонуло в его лапе. Он смотрел на меня не отрываясь, а вокруг его головы, горело словно нимб, рыжее сияние волос.

Жрец вскинул голову к зеленоватому кругу луны, плывущей в ночном тумане. Снова заиграла музыка. Но теперь, когда во мне образовалась пустота немоты, я ощущала её глубже, острее. Она билась во мне, как тайна, которую я не могла выдать.

Алтарь вспыхнул ярче, и я почувствовала, как что-то связывает нас. Невидимое. Неразрывное. Тяжёлое, как цепи, и при этом лёгкое, как желание. Не давящее, а удерживающее от падения.

Когда музыка достигла крещендо, алтарь запылал ослепительно ярко. Под худы Грантера и моим кружевом на запястьях вспыхнули метки. Я вздрогнула, но муж успокаивающе сжал мою руку с раскалившимися чётками.

Я хотела закричать, но только хватала ртом воздух в безмолвии отчаянья.

— Брак заключён, — голос жреца звучал торжественно. — Плата принята. Свидетель засвидетельствовал.

Служитель культа возложил ладони на наши сплетённые в тугой узел руки. А когда отпустил их, свет на алтаре погас. Остались только мы, ставшие единым целым, и пламя факелов, отбрасывающих на стены тени случившегося чуда.

— Отныне ты, Ниира из Антрацитовых, — жрец смотрел на меня, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на жалость, — жена Грантера из Железных. Ты осталась без голоса, отданного в оплату за выбор. И его никто не сможет у тебя отнять. Грантер из Железных. Ты приобрёл сокровище - Нииру из Антрацитовых. Прими супругу в семью. Стань опорой.

Свора Фарта ехидно захихикала. А я не могла ответить. Без голоса у меня не получалось поблагодарить жреца. Поэтому я просто сжала сильнее чётки, которые всё ещё были в руках, и кивнула. Тот кивнул в ответ и отошёл от нас. А ко мне придвинулся Грантер.

В его взгляде была жажда. В ней смешалась благодарность, злость и желание. Грантер стал частью меня. Он это знал и предъявлял права. Я качнулась назад. Но он удержал свободной рукой, прижал к себе и поцеловал.

Клянусь, что в биении пламени факелов я услышала хрустальную мелодию полной луны. Я растворилась в своём муже. Почувствовала единение с мощью, уверенностью и злостью. Преобразилась. Стала его.

Я чувствовала тепло Грантера, его дыхание, напряжение и суть, скрытую ото всех. Мне показалось, что он рад этому союзу. Что принял меня по-настоящему. Впустил в своё сердце, а потом стремительно отстранился.

— Ты пожалеешь, — прошипел Фарт. — Вы оба пожалеете.

Грантер медленно повернул голову. И я увидела, как изменилось его лицо. По лицу скользнула холодная пугающая тень. В глазах зажёгся огонь ненависти, от которого Железные отшатнулись в испуге.

— Посмотрим, — сказал Грантер.

У него был такой низкий, спокойный голос, что мороз побежал по коже. Фарт сделал шаг назад. И я поняла, что он боится. Не старых традиций, а этого рыжего мужчину. И что у него нет уверенности в том, за что они травили Грантера десятилетия.

А ещё я увидела, что Фарт трусит. Он знал о праве моего мужа претендовать на место наследника. Это открылось мне внезапно у алтаря. Фарт боялся своего неправильного рыжего брата.

Того, кого они обзывали ржавым и сделали изгоем. И боялись до одури. До бегающих глаз и бессильной ярости.

— Брачующиеся и гости, вы свободны.

Жрец подошёл к дверям. Положил руки на тяжёлые створки, и они заскрипели, открывая нам темноту ночи.

— Свидетель, помните: месяц вы должны провести вместе с молодожёнами для защиты новой семьи.

Я замерла. Месяц? Со свидетелем? Я посмотрела на жреца. Он кивнул, словно читал мои мысли.

— Таков закон древнего обряда. Свидетель должен удостовериться, что союз не был заключён под давлением. Чтобы защитить невесту, если жених окажется недостойным. Правила есть правила. Свидетель остаётся с вами. Если он покинет вас раньше срока — брак будет признан недействительным.

Я перевела взгляд на Себрина. Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на Железных с лёгкой усмешкой.

— Не переживайте, — сказал он. — Я не буду вам мешать. Я просто буду рядом. Я уже дважды был свидетелем. Понимаю, что к чему. И в ваши скандалы по поводу раскиданных носков вступать не буду.

— Это идиотизм, — прорычал Грантер.

— Это традиции, — ответил Себрин. — Или вы, Железные, уже и их отменили?

Железные молчали. Они смотрели на нас троих: изгоя, немую певицу и врага. Они не знали, что делать. Их план рухнул. Их унижение было физически осязаемым.

— Вон! — заорал Фарт. Голос его дрожал от ярости. — Убирайтесь все трое.

— Да уймись уже, — ответил Грантер. — Ты никто в святилище, где не тебя женили.

Железные зарычали. Муж взял меня за руку. Сжал так сильно, что стало немного больно. Но я не сопротивлялась. Мы пошли к выходу: мы с Грантером чуть впереди, а Себрин, как свидетель, сзади.

Дверь со скрипом распахнулась, обдав нас прохладой летней ночи. Фонарей на улице не было, но ступени освещались луной. Её зеленоватый круг висел прямо над головой. Призрачное сияние заливало кладбище. Могильные плиты блестели как зеркала.

Я сделала шаг. Второй. Вдохнула полной грудью свежий воздух свободы. И в этот момент ослепительно вспыхнули огни сбоку. Из темноты закричали люди.

— Вот они!

— Сюда! Быстрее сюда!

— Они выходят!

— Ниира, правда ли, что наследник Железных отказался от вас?

— Правда ли, что вы стали отверженной?

— Кто этот мужчина рядом с вами?

— Почему вы не стали женой наследника Фарта?

Я замерла. Перед входом в святилище толпились репортёры. Их было человек десять. Увешанные камерами и диктофонами, с жадными, жаждущими сенсаций, глазами.

Они знали о готовящемся скандале. Хотели запечатлеть мой позор. А потом раструбить о нём на весь БСС. Я открыла рот. Но не смогла издать ни звука. Только судорожно сжала руку Грантера. Муж и сам всё понял.

— Назад, — рявкнул он.

Голос Грантера прозвучал как удар хлыста. Папарацци отшатнулись, но не ушли. Камеры шелкали, вспышки резали глаза. Я старалась заслониться от них ладонью, сжимающей чётки.

— Ниира, скажите несколько слов!

— Правда ли, что вас бросили у алтаря?

— Кто этот мужчина? Как отреагирует ваш брат на расторжение союза?

Я замерла, парализованная светом, шумом, их голосами. Не могла ни убежать, ни даже сказать, чтобы они отстали. Грантер тянул меня прочь сквозь толпу, а я чувствовала себя оленем, застывшим в свете фар.

— Она не будет отвечать на вопросы, — голос Себрина прозвучал спокойно, но в нём чувствовалась сталь.

— А вы кто?

— Свидетель, — сказал он. — И если вы не уберётесь отсюда в ближайшие десять секунд, я вызову службу безопасности БСС по факту нападения.

Папарацци зашептались. Кто-то сделал шаг назад. Но не все. Один, самый наглый, сунул диктофон мне прямо в лицо.

— Ниира, скажите хоть слово. Как вы себя чувствуете? Вы знали, что Фарт собирается вас бросить?

Я смотрела в объектив камеры. Чувствовала, как слёзы подступают к глазам. Не могла ничего сказать. И тогда Грантер сделал шаг вперёд.

Он не сказал ни слова. Просто встал между мной и камерой. От него веяло напряжением, силой, угрозой. Папарацци попятился.

— Вам сказали — уходите, — произнёс Грантер тихо. И от этой тишины стало страшнее, чем от крика.

— Мы всё равно узнаем, — выкрикнул журналист стоящий сбоку. — Завтра вся страна будет знать, что наследник Железных бросил вас у алтаря.

— Прочь! — рявкнул Грантер.

— Давайте к моей машине! — крикнул Себрин.

Он проскочил мимо нас в боковую аллею, и мы с Грантером побежали вслед за ним.ь

Голос безмолвия

Мы ехали в машине Себрина. Грантер продиктовал адрес в навигатор, и свидетель так агрессивно рванул с места, что папарацци рассыпались в разные стороны.

Я сидела на заднем сиденье, прижавшись к дверце, и смотрела в окно. Мы вырулили с кладбища и двинулись в сторону Айронтауна. Папарацци увязались за нами, но Стальной умело оторвался от преследования.

Себрин вёл машину уверенно. За стеклом проносились ночные улицы. Грантер сидел рядом и молчал. Смотрел вперёд, на дорогу, но я чувствовала его напряжение.

Каждые несколько секунд муж бросал взгляд в зеркало заднего вида, проверяя, нет ли хвоста. Стальной перехватил его взгляд и едва заметно кивнул. Чисто. Оторвались.

Едва схлынул адреналин после бегства, я прикоснулась к руке мужа. А когда он повернулся, показала знаками, что прошу дать мне телефон. Грантер на секунду замер, а потом выполнил просьбу.

Мои вещи, включая сумочку с документами и телефоном, остались у Железных. Я наизусть знала номер брата и мысленно молилась, чтобы он взял вызов от незнакомого абонента.

Что я могла ему сказать? Чем? У меня же теперь не было голоса! Я запаниковала и недолго думая, сунула телефон в руки Грантера. Ткнула себе в горло пальцем. Губами беззвучно прошептала: Брат.

— Да! – рявкнула трубка голосом Лакстера.

— Это Грантер. Первый сын Железных, — ответил муж так уверенно, словно сам хотел звонить Альфе Антрацитовых.

Из динамика донёсся напряжённый голос брата:

— Где моя сестра? Почему она не берёт трубку? Что происходит?

— Она рядом. С ней всё в порядке. Но говорить она не может.

Повисла тишина. Я слышала, как брат дышит. Глубоко, тяжело. Как перед прыжком в холодную воду.

— Что значит — не может?

— Фарт отрёкся от неё у алтаря, — сказал Грантер. — Прямо во время обряда. Публично. Объявил недостойной.

— Я знаю, — голос Лакстера стал жёстче. — Мне уже доложили. Папарацци снимали выход из святилища. Там кроме неё было ещё двое. Почему ты рядом с ней?

— Я её муж, — сказал Грантер. — Она выбрала меня вместо Фарта.

Долгое молчание. Я представила лицо брата. Его скулы в напряжении, от которого побелела кожа. Глаза, которые он закрывал, когда хотел не взорваться.

— Повтори, — сказал он тихо.

— У неё было право выбора. Той, которой отказали, алтарь даёт возможность выбрать жениха самой. Ниира опросила всех прибывших на церемонию и выбрала меня.

— Это невозможно, — голос Лакстера дрогнул. — Женщины не выбирают. Только не у Железных.

— Она выбрала, — голос Грантера был твёрдым. — Жрец подтвердил её право. Алтарь принял решение. Брак заключен. Есть свидетель — Себрин из Стальных. Он сейчас за рулем.

— Себрин? — в голосе брата появилось недоверие. — Младший сын Альфы Стальных?

Оборотень за рулём, услышав своё имя, чуть приподнял бровь, но промолчал, не встречая в разговор.

— Да. Он пришёл по зову крови. Его бабка была из Железных. Он имеет право быть свидетелем.

— И он согласился?

— Он сам вызвался.

Лакстер выдохнул. Я слышала, как он ходит по комнате. Шаги быстрые, резкие.

— Я хочу поговорить с сестрой.

— Она не может говорить, — повторил Грантер.

— Что это значит? Она больна? Ей запретили? Что вы с ней сделали?

— Ничего, — голос Грантера стал жёстче. — Она заплатила за выбор. Алтарь забрал её голос. Она больше не может петь. Не может говорить. Вообще.

Тишина. Такая долгая, что я услышала, как стучит моё сердце.

Себрин медленно выдохнул и бросил короткий взгляд на меня в зеркало заднего вида. В его глазах мелькнуло уважение.

— Этого не может быть, — голос брата звучал глухо. — Она певица. Это ее жизнь!

— Она сама так решила. Это стало платой за её честь.

— Честь? — Лакстер почти кричал. — Какую честь? Выйти замуж за изгоя, которого никто не признает. Она потеряла голос. Она – скандал на весь БСС. Это ты называешь честью?

Грантер упрямо поджал губы.

— Это лучше, чем позор и перспективы брошенной у алтаря. Ниира сама так решила. В кругу, где её унижали, где каждый из одобренных вами женихов пытался отказаться от неё, она выбрала меня. И я не позволю, чтобы кто-то называл её выбор ошибкой.

Я посмотрела на Грантера. Он сидел, повернувшись ко мне, и в его глазах прочитала то, чего не видела раньше. Это была несгибаемая уверенность и желание идти до конца.

Такой подход совершенно очевидно и полностью соответствовал его сути. А ещё я поняла, что если Лакстер будет продолжать говорить про меня обидное, он нарвётся.

— Дай ей трубку, — сказал брат, словно почувствовав опасность. — Я хочу её видеть.

Грантер вопросительно посмотрел на меня. Я кивнула. И только после этого он нажал кнопку, переключил на видео. Муж развернул экран ко мне, и я увидела Лакстера. Его лицо было бледным, а глаза красными от недосыпа.

— Ниира, — начал он хрипло, — это правда? Что случилось?

На моих глазах от беспокойства в голосе брата выступили слёзы. Я всхлипнула, но постаралась взять себя в руки. Поднесла палец к губам. Потом коснулась горла. Развела руками — пусто.

— Ты не можешь говорить? Совсем?

Я кивнула.

— Переходи на язык жестов.

Я даже подпрыгнула от радости! Из-за Джаспера мы в семье понимали язык глухонемых. Лакстер поставил телефон на стол. Я видела, как дрогнули его пальцы, но говорил он уверенно. Он не перешёл на язык жестов, желая показать присутствующим, что честен и в своём праве.

— Ниира, всё так и есть? — спросил он, не отводя от экрана взгляда. — Фарт от тебя отказался, и ты сама выбрала Грантера?

На языке жестов я ответила:

— Да. Они это спланировали заранее. Им надо было сделать меня неприкасаемой.

— Почему ты выбрала его?

Я смотрела на брата. Сердце сжалось от боли. Как объяснить своё унижение в святилище? Это и словами не объяснить, а скудным набором жестов и подавно.

— Железные хотели моего позора. Они врали, что больны или бедны. Делали всё, чтобы я их не выбрала. А Грантер, — я беззвучно произнесла имя мужа и показала на него, — не отказывался. Сказал, что будет защищать до конца. Я ему поверила. Я чувствую, что он не предаст.

Я посмотрела на Грантера. Он отвернулся к окну. Глядел на ночную улицу. Но я знала, что он всё слышит. Себрин тихо хмыкнул и качнул головой, словно говоря: «Ну надо же, этот рыжий кого-то зацепил».

Лакстер молчал долго. Потом продолжил с болью в голосе:

— Я хотел счастливой семейной жизни для тебя. Чтобы ты была в безопасности. Чтобы у тебя был дом. Чтобы не моталась по гастролям, не ночевала в поездах, не забывала от усталости, куда ты едешь.

Я смотрела на брата и видела, что он боялся за меня. После смерти отца он чувствовал ответственность. Знал, что мои концерты, гастроли, свобода могли закончиться трагедией. Мать его жены погибла в туре, и Лакстер хотел меня обезопасить.

— Ты отказалась от всех женихов, которых я тебе рекомендовал, — продолжал он. — Сказала, что хочешь петь, хочешь свободы, не собираешься сидеть в клетке. А потом пришёл Фарт. Красивый. Молодой. Наследник Железных. Он обещал, что ты получишь дом и семью, вековые традиции. Но при этом будешь петь. Я поверил, дурак. Это моя ошибка.

Он растёр усталое лицо ладонями. Я замотала головой и показала, что понимаю его. Брат смотрел на меня открыто. Не прятал боль, которая пронзала его и моё сердце одновременно.

— Ты простишь меня, Ниира? Хоть когда-то потом?

Я кивнула. А потом показала, что люблю его.

Лакстер шумно выдохнул, на секунду прикрыв глаза, а потом подобрался. Снова сосредоточился на происходящем.

— Тогда все, кто меня слышит — сказал он громче, — разворачивайте машину и приезжайте к нам. Будете жить в нашем доме, если у Железных не получилось дать семью моей сестре. С остальным я разберусь.

Это было толковое предложение. Я ожидала согласия от Грантера. Но вместо того, чтобы обрадоваться и поехать под крыло к шурина, он отрицательно качнул головой и отчеканил:

— Это исключено. Мы останемся на территории Железных.

Себрин нахмурился и кивнул. Посмотрел на Грантера в зеркало заднего вида и крепче сжал руль.

Брат

— Это исключено. Мы останемся на территории Железных, — отчеканил Грантер.

Лакстер на другом конце линии замер. Я видела, как его лицо моментально изменилось. Черты заострились, глаза превратились в щёлки. Губы сжались в едва заметную линию.

— Ты меня не услышал, — голос брата стал ледяным. — Я – Альфа Антрацитовых. Ниира моя сестра. Она будет жить под моей защитой, если Железные не смогли обезопасить свою невесту, я возвращаю ответственность себе.

Брат не собирался уступать. Я хорошо знала этот острый взгляд и звенящий голос. И все, кто сталкивался с Лакстером в таком состоянии, прижимали уши и втягивали голову в плечи. Грантер с Себрином напряглись, но не сдались.

— Это невозможно. Алтарь не просто венчает, — спокойно ответил муж. — Этот магический артефакт привязывает молодожёнов к землям Железных за лунный месяц. Это древняя магия. И я не могу увезти Нииру на вашу территорию, даже если очень захочу.

Лакстер ещё сильнее сжал челюсть. Я видела, как задвигались желваки на его лице и побелели губы.

— И что будет, если уехать раньше? – тихо спросил Лакстер, судя по сдвинутым к переносице бровям, вполне понимающий ответ.

— Смерть. Алтарь наш главный магический артефакт. И он чувствует честность клятв, расстояние и другие нарушения. И карает без жалости. Алтарь требует, чтобы молодожёны оставались на земле Железных от луны до луны. У нас даже шутка есть про это, — Грантер усмехнулся, но усмешка вышла горькой. — «Единственное, время, которое ты точно проведёшь дома — медовый месяц». Поэтому мало кто прибегает к венчанию в святилище. Слишком много обязательств.

В машине стало тихо. Все погрузились в размышления. Я переводила взгляд с экрана на Грантера, и обратно на телефон. Я не могла спросить. И не могла понять, к чему он ведёт.

— Тогда почему в этот раз Фарт так настаивал на венчании в святилище, если не собирался проводить обряд, а хотел бросить Нииру у алтаря? — голос Лакстера стал тише, но от этого только опаснее.

Мне стало ясно, что я давно только картинка при разговоре обратной. Поэтому вложила телефон в руку Грантера и развернула экраном к нему. Но громкую связь не выключила. Муж нахмурился. Было видно, что ему неприятен разговор.

— Я понимаю, что для тебя это личное оскорбление, Лакстер. Но думаю, что Фарт настаивал на обряде, чтобы поставить клеймо безбрачницы. На всю жизнь. Чтобы никто и никогда не взял Нииру в жены. Даже если она уедет на другой конец континента. Алтарь связывает обратня с его сутью. Он клеймит не тело, а душу. Ну и метку ставит несмыслимую. Фарту нужны были гарантии твоего глубокого оскорбления.

Меня затрясло. Я смотрела на Грантера, а перед глазами стояло лицо Фарта. Его ухмылка. Его уверенность. Он с самого начала знал. Он хотел не просто отказаться от меня — он хотел уничтожить меня. Навсегда.

— Моего? – уточнил Лакстер.

— Разумеется, — продолжил Грантер. — Такое оскорбление — личное. Оно глубоко ранит, но не находится в ведении служб БСС. Большой Совет Стай не будет в этом разбираться. Им нет дела до чьей-то поруганной чести. Нет нарушения границ, никто ни у кого не украл грузы, не перекрыл дорогу и не вырезал жителей. А дела сердечные не интересны ни руководству, ни гвардии БСС. И будут решаться без них, даже если при этом кровью зальют пару тройку городов.

Лакстер застыл. А когда заговорил вновь, его голосом можно было резать металл.

— То есть, любое столкновение будет личным спором самих кланов, без вмешательства общего руководства, — сказал брат.

— Да, — Грантер кивнул. — И тот, кто начинает войну из-за бабьей ссоры — слабак. К нему не будет ни доверия, ни уважения. Он потеряет союзников, станет изгоем и спровоцирует борьбу за власть в своей стае со стороны не только внутренних претендентов, но и внешних. И БСС поддержит нового лидера с незапятнанной репутацией и крепкими нервами.

— И это будет стоить жизнью, — закончил Лакстер.

Грантер ничего не сказал. Только сжал мою руку.

— Откуда ты это знаешь? — с подозрительным наклоном головы спросил брат. — Такое не рассказывают первому встречному. И уж точно не изгнанному из семьи и не получившему воспитания при Альфе.

Грантер пожал плечами. Потом спокойно ответил:

— Я служил в гвардии БСС. Восемь лет. Инструктором. Там такие вещи узнаёшь быстрее, чем в любой стае. Потому что там сталкиваются все и со всеми. И Железные, и Стальные, и Антрацитовые, и даже те, кого вы называете внеклановыми. И надо быстро понимать, имеешь ли ты право и должен ли проливать кровь. Возможно, свою. В гвардии на понимание расклада уходят секунды. Кто соображает быстро — жив.

Лакстер подался вперёд. Я видела, как изменилось его лицо. Удивление. И что-то похожее на уважение.

— В гвардии? — переспросил он. — Я тоже служил. Пять лет. В третьем отряде быстрого реагирования. В Бездне.

Теперь настала очередь Грантера удивляться. Он вскинул бровь, и в его глазах мелькнуло что-то новое. Похожее на узнавание и уважение одновременно.

— Третий отряд? — переспросил он. — Я готовил новобранцев для шестого. Мы наверняка пересекались на полигоне.

— Возможно, — Лакстер усмехнулся. — Лицо кажется знакомым, но точно я тебя не помню. У тебя рыжие волосы были?

— Были, — Грантер усмехнулся в ответ. — И сейчас есть. Только тогда я их коротко стриг и прятал под форменной кепкой.

Они смотрели друг на друга через экран. Двое мужчин, которые тянули меня в разные стороны и были настроены друг к другу враждебно. И которые теперь нашли что-то общее.

— Ладно, — сказал Лакстер. — Будь по-твоему. Живите у себя. Но я пришлю отряд.

— На каком основании? Вооружённый? Устроишь вторжение в неподконтрольную территорию?

Лакстер зашипел от бессилия.

— И тут не помогу. Значит, будете справляться сами?

— Будем, — ответил Грантер.

— Береги её, — голос брата стал жёстче. — Если с ней что-то случится, я не посмотрю, что ты служил в гвардии.

— Буду пытаться, — сказал Грантер.

— Тогда удачи вам всем и мирного месяца.

Оборотни пожелали того же. Лакстер кивнул, посмотрел на меня, и я показала ему знаками, что люблю его. Он отсемафорил в ответ признанием в любви и отключился.

— Мы почти приехали, — сказал Себрин не оборачиваясь. — Держитесь.

Машина свернула с трассы и покатила по узким улочкам. Фонарей здесь почти не было. Старые, обшарпанные, дома кое-где были обезображены разбитыми или заколоченными окнами. Вдалеке, словно зловещий замок, дымил трубами завод.

Мы остановились у высокого забора. Грантер открыл ворота, за которыми чернел серый бетонный дом. Было ощущение, что его возвели до этапа серой штукатурки, а окончательно отделать забыли.

Два этажа дома выглядели зловеще. На окнах внизу чернели прутья грубых решёток. На верхнем этаже даже занавесок не было. Мне стало зябко от ночного холода и перспектив жить в этой норе.

— И здесь мы будем жить? — спросила я беззвучно. Грантер понял.

— Здесь, — сказал он, открывая дверь. — Тут будем отбиваться.

Я замерла на пороге. Обернулась к нему. Он стоял, вжавшись в дверной проём, и смотрел на тёмные окна соседних домов.

— Ты думаешь, что будут нападать? — спросил Себрин. — Думаешь, всё настолько плохо?

— Я в этом уверен, — ответил Грантер. — Фарт не успокоится. Его унизили. Он захочет крови. Моей. Или её. Или нашей общей. Поэтому готовимся к сражению. И сейчас надо успеть сделать несколько важных вещей.

Он открыл дом и нырнул в темноту, не включая свет. Я сильнее сжала чётки. Подошедший сзади Себрин протянул руку и повёл в дом. Он тоже был в нём чужаком, но хотя бы не забыл про меня.

План

Дверь за нами закрылась с глухим металлическим стуком. Я оказалась в почти полной темноте. Грантер метнулся вперёд и, судя по звуку и уменьшению света почти до нуля, зашторил окна во всех комнатах.

Я ничего не видела, только слышала шаги Грантера впереди и тихое дыхание Себрина за спиной. Потом меня взяли за руку и повели. А когда за нами захлопнулась дверь, Грантер щёлкнул выключателем.

Тусклый тёплый свет залил комнату без единого окна. А вот двери были. Целых три штуки. И все они были плотно закрыты. Стены были такими же серыми, оштукатуренными. Даже без краски.

Я поёжилась в своём свадебном платье, которое за эти часы хоть и пережило все ужасы святилища и побега, но ещё вполне достойно смотрелось. И зацепиться или испачкаться за что-то внутри дома мне категорически не хотелось.

Грантер оглядел меня с головы до ног и что-то проворчал себе под нос. Потом молча сдвинул панель в длинной части комнаты, оказавшуюся дверцей в шкаф.

— Выбери себе что-то подходящее.

Он кивнул на вешалки и полки. Я поразилась, сколько одежды может быть серой, чёрной или камуфляжной. Ни одной белой или хотя бы синей вещи. Поэтому выбрала серую футболку и такие же спортивные штаны.

А когда уже почти вышла из шкафа, увидела на тумбочке ящик с чёрными и серыми хлопчатобумажными, аккуратно сложенными вещами. И среди них была та, на которой был рисунок из красных сердечек.

Мне захотелось чего-то яркого, и я выудила серую ткань с сердечками. Встряхнула. Через секунду я держала мужские боксеры с надписью на гульфике: «Твой герой».

Мне стало дико неловко. Я открыла рот, но, поняв что не могу ничего сказать, заметалась взглядом между Грантером и Себрином. А потом, увидев их озадаченные лица, сунула трусы в руки мужу и отшатнулась от шкафа.

— Надевай, не бойся, — хмыкнул Грантер. — Тебе будут как шорты.

Я отчаянно замотала головой и прижала к себе футболку и штаны. Грантер пожал плечами.

— Может, они тебе подойдут? — спросил у Себрина, но тот тоже выбрал серую футболку и штаны.

— Как-нибудь без этого обойдусь. Где можно переодеться?

— Жаль. Хотел бы посмотреть эти трусы на модели, — ответил Грантер с ухмылкой. А потом продолжил серьёзно: — Твоя дверь по коридору вторая налево, Нирина третья. Переодевайтесь и возвращайтесь сюда. У нас заканчивается время.

Я рванулась к двери, но Себрин меня задержал. Он взял меня за локоть. И сначала мне было неловко от его прикосновения. А потом, когда мы шли по крошечной темноте коридора, я была благодарна за его помощь.

Себрин пропустил свою дверь, проводил меня. И только после того, как я благополучно закрыла за собой створку, пошёл переодеваться к себе. А я прижала к себе одежду Грантера и вдохнула запах.

Ткань пахла им — железом, лесом, чем-то душистым. Я положила одежду на кровать, расстегнула молнию и перешагнула через ткань. Не так я себе представляла избавление от свадебного наряда.

Мне ещё чудились тени мужской фигуры рядом, поцелуи, волнительные признания шёпотом на ухо. От которых мурашки бежали по коже, а спина выгибалась от предчувствия продолжения.

Но я сгребла кружево, замотала платье в рулон и содрала с себя чулки. Теперь они мне точно не понадобятся сегодня. Решительно натянула на себя футболку, ставшую мне платьем-бохо почти до самых колен.

Можно было и так оставить, но в доме был ещё и Себрин, поэтому натянула штаны. Они благополучно свалились с бёдер, не встретив сопротивления. Размер одежды Грантера отличался на десять или даже больше от моего.

Мне пришлось затянуть шнурок на талии и подвернуть пояс в несколько раз. Потом я закатала штанины. Зеркала у меня не было, поэтому я отколола фату и, вытащив из неё шпильки, соорудила пучок на макушке.

Он просил удобно? Это оно и есть.

Я распахнула дверь и шагнула в коридор. Мою руку тут же перехватил Себрин.

— Осторожно. Я помогу дойти.

Почему-то без защиты свадебного наряда я чувствовала себя неловко в темноте рядом с чужим мужчиной. Хорошо, что коридор быстро кончился и мы вновь оказались в светлой комнате без окон, в которой обнаружился Грантер.

Он притащил откуда-то матрасы и сидел на одном из них, молотя по кнопкам ноутбука. Едва взглянув на нас, он приказал:

— У нас последние минуты без внешней угрозы. В доме две лестницы, у каждой из них по санузлу на каждом этаже. Всего четыре штуки. Идите туда и наберите полные ванны воды. А потом спуститесь в подвал, в постирочную. Все тазы набирайте по самые борта. — Увидев наши удивлённые лица, добавил: — Без еды можно протянуть сколько-то. Без воды шансов нет. Не тормозите.

— А в санузлах можно включать свет? — спросил Себрин.

— Можно. Только там и можно. В остальных комнатах, пока окна не закрыли, не рискуйте. Снаружи могут быть оборотни.

Словно в ответ на слова Грантера послышался шум мотора. Муж поднялся на ноги и двинулся к выходу.

— Не бойся, — сказал он. — Это свои. Те, кого я тренировал в гвардии. Оборотни, которых Железные вышвырнули, как и меня. Они пришли помочь.

Грантер шёл по коридору, а я за ним, шлёпая босыми ногами. Перед входной дверью он меня остановил, придерживая за руку. Снаружи отстукали ритм, похожий на фанатскую речёвку, и муж приоткрыл дверь.

С подсвеченного луной участка внутрь дома скользнули четыре тени. Они молча просочились внутрь и безошибочно прошли мимо нас в комнату без окон. Почему-то именно в этот момент мне стало по-настоящему страшно.

Я привалилась к стене прихожей спиной и обхватила себя руками. По телу прошла волна дрожи. Зубы клацнули, и я плотнее сжала челюсти. Грантер закрыл дверь и качнулся в мою сторону.

Я смотрела на мужа и на тени людей в коридоре. На дом, который на глазах превращался в крепость. Сейчас я чётко понимала, что Грантер всё это знал. Что ему придётся когда-то обороняться в своем доме. И несмотря на это, ответил мне согласием.

Повинуясь порыву внезапной благодарности, я поднесла его руку к своей щеке. Он не отстранился. Смотрел, не отводя глаз. А потом, едва коснувшись, поцеловал меня в макушку.

— Я не дам тебя в обиду, — сказал он. — Клянусь.

И я ему поверила.

Не мешай!

Бойцы Грантера работали молча и быстро, словно делали это сотню раз. Я стояла в прихожей, наблюдая, как они рассредоточиваются по дому. Они заклеивали окна плёнкой, разбирали сумки из супермаркета.

Глядя на привезённое, у меня возникало всё больше и больше вопросов. Судя по объёмам, люди смели с полок все консервы, заморозку, пакеты, скотч, крепкий алкоголь. Неужели мы правда будем здесь отбиваться?

— Ниира, — голос Грантера вырвал меня из оцепенения. — Иди в подвал. Себрин тебе покажет.

Я повернулась. Себрин уже стоял у двери вниз с фонариком в руках.

— Нам нужно подготовить ледовый короб, — сказал он спокойно, будто речь шла о чём-то повседневном. — Пойдем.

Я последовала за ним. Ступени скрипели под ногами. В подвале было холодно и сыро, пахло землёй и плесенью. Себрин включил свет и я смогла рассмотреть помещение.

Вдоль боковой стены тянулись деревянные стеллажи с банками. Соления и компоты выглядели несвежими. Их явно заготовили не в этом году. Но под слоем пыли крышки были промазаны какой-то коричневой пастой.

У входа на палетах, как в магазине, стоял грубый деревянный ящик. Он был одинаковым в длину, ширину и высоту. Прикинув размер, я поняла, что он приблизительно метровый.

Внутри лежала пенка, похожая на туристическую, но в рулоне. А вот она выглядела свежей. Словно её принесли сюда неделю или две назад. Но смысла в ней я не видела. Посмотрела на Себрина.

— Нам нужно замотать короб в изоляционный материал. По сути, соорудить термос, — сказал Стальной, оценивающе оглядывая ящик. — Будем хранить в нем продукты, если отключат электричество. Положим на дно бутылки со льдом и продержимся какое-то время.

Я кивнула. Обошла короб с трёх сторон. Между досками было расстояние около сантиметра.

— Только надо сдвинуть ближе к стене. Иначе будет сложно заполнять короб и вытаскивать продукты обратно. Не с табуреткой же ходить. А так, можно будет встать на палету и делать, что тебе нужно, не рискуя свалиться с края или потянуть руку.

И снова мне пришлось согласиться. Я в этом ничего не понимала. Но хотела быть полезной. Да и просто делать хоть что-то, чтобы не сойти с ума и не думать, что я могла стать безбрачницей. Есть тушёнку год? Это гораздо лучше!

Себрин привалился плечом к коробу, но тот и не собирался сдвигаться. Я сделала то же самое, встав рядом. Стальной тут же отпрянул.

— Не надо! Это не женское дело. Ты можешь пораниться.

Я встала прямо перед ним и сложила руки на груди. Пораниться? Загнать занозу в плечико? В то время, когда меня могли попросту прикончить или заморить голодом в этом доме?

Сказать я ничего не могла, но взглядом, видимо, смогла передать свою мысль ясно.

Ладно тебе, — тут же пошёл на попятную Себрин. — Давай вместе, но не геройствуй. Не надрывайся. Для этого мужчины. А таким красавицам лучше побережь себя.

Красавицам? Это что, комплимент? Себрин грустно улыбнулся.

— Ты же и так знаешь, что красивая. Стояла в святилище, сверкала. Я любовался. Но у тебя же фан клуб есть. Тебе это миллион раз в день говорят.

Теперь настало время грустно улыбнуться мне. С фанатами я не встречалась. В сети не переписывалась по соображениям безопасности. Да и не верила я этому всему. Иногда мне казалось, что хорошие комментарии к концу писали друзья с других аккаунтов.

— Ты не веришь, что ли?

Себрин говорил так, словно понимал мои мысли. Неужели он телепат?

— Не бойся, – ответил Стальной. – Я не умею угадывать мысли. Просто я эмпат. Могу приблизительно понимать то, что чувствует другой человек или оборотень. Например, могу точно сказать, что ты меня не боишься, но и не очарована. К моим словам у тебя вежливое любопытство.

Теперь я улыбнулась и кивнула. Всё верно.

— Тогда давай решать с коробом и спать, а то брачная ночь закончится смертью от усталости, а не отдыхом.

Себрин достал пенку и, отвернув край, приложил его к стенке короба. Теперь мы толкали его, не боясь повредить плечо. Но не до самой стены. Оставили отступ сантиметров 15.

— Чтобы вентиляция была.

Себрин начал оборачивать пенкой короб вокруг, но я его остановила. Показала на дно пальцем.

— Точно. Надо обернуть и снизу. Иначе толка не будет. Давай я приподниму край, а ты просунешь пенку.

И снова я замотала головой. Жестами показала, что мы так сделаем герметичный термос, а надо давать стекать подтаявшей влаге. Иначе скоро у нас будет короб с жидкостью от разных продуктов. Себрин понял не всё.

— Нужны отверстия?

Я обрадованно закивала. А потом побежала вверх за ножом. Грантер разбирал на кухне какие-то коробки. Я открыла шкаф, нашла нож побольше. А когда выбегала, зацепилась краем подвёрнутых спортивных штанов за ящик.

Зашипела от боли, ударившись лодыжкой, но останавливаться не стала. Потом зацепила рукавом за стоящий у выхода шкаф, едва не упала. Грантер обернулся, бросил быстрый взгляд, но ничего не сказал.

— Что-то случилось? – спросил Себрин.

Мне было неловко, что я выглядела перед мужем неуклюжей, но показывать это свидетелю не собиралась. Замотала головой и приступила к работе. Отмерила на коврике-пенке, похожем на тот, на котором я занималась йогой, размер дна и начала делать в нём отверстия.

Себрин молча забрал у меня нож и продолжил, поняв на каком расстоянии и какие прорезы мне нужны. Это было трогательно. Просто помощь без лишних слов.

Потом он качнул ближний край короба в сторону стены, и я подсунула пенку под дно. Получилось отлично. Я даже в ладоши захлопала. Себрин довольно улыбнулся.

— У нас отлично получается. Теперь я отрежу материал, а потом мы обернём короб по периметру. Принесёшь скотч?

Я снова побежала наверх. Нашла упаковки со скотчем на кухонном столе. Схватила один и метнулась обратно. Грантер проходил мимо, когда я спускалась. Мы столкнулись в коридоре. Я едва не упала, и муж успел подхватить меня за локоть.

— Осторожнее, — сказал он, и в голосе его послышалось раздражение.

Я кивнула, не поднимая глаз. Он пропустил меня вперед, и я побежала в подвал, чувствуя его взгляд на своей спине. А Себрин не стал задавать вопросов, увидев мой испуганный взгляд.

Мы слажено работали и укутали короб плёнкой со всех сторон. Закрепили скотчем и даже смогли сделать крышку из небольшой палеты, стоящей в углу. Мы даже хлопнули ладонью о ладонь, как спортсмены после удачного броска.

А потом отправились набирать воду в пластиковые бутылки и загружать в морозильный ларь в кухне. Чем больше льда, тем больше шансов на спасение. Себрина отправили клеивать окна наверх.

Мы наливали и укладывали, доставали пустые и снова наполняли. В какой-то момент я поняла, что уже не чувствую ног. Глаза слипались, руки дрожали, и каждое движение давалось с трудом.

Наполнив очередную ёмкость, я оступилась, потянувшись за крышкой. Бутылка выскользнула из рук и упала. Вода вылилась на пол и намочила стоящие на полу картонные ящики.

— Твою мать, — услышала я голос Грантера. Он стоял сзади и смотрел на меня сверху вниз. — Что ты творишь?

Я подняла голову. Он был зол. По-настоящему зол, и я не понимала, что сделала не так. Я хотела объяснить, что просто устала, что оступилась, что ничего страшного не случилось. Но не могла. Не было голоса.

Грантер спустился на колени, поднял бутылку и отодвинул в сторону коврик, чтобы и он не промок.

— Иди спать, — сказал он жестко. — Ты только мешаешься.

Слова полоснули меня по живому. К горлу подступили слёзы. Мне было обидно, но ответить я не могла. Муж даже не взглянул больше на меня. Принёс тряпку и начал собирать воду.

Я вытерла руки, прошла мимо бойцов, которые не обращали на меня внимания. Зашла в комнату, где оставила свои вещи, и закрыла за собой дверь. Но едва я села на кровать, слёзы потекли сами.

Грантер прав. Я только мешаю. Не могу говорить, не могу толком помочь, не могу даже бутылки набрать. Бесполезная. Немая. Никому не нужная. Я лежала в темноте, слушая, как в доме стучат, передвигают мебель, тихо переговариваются голоса. И чувствовала себя чужой среди них. Лишней.

Слезы высохли. Усталость взяла свое. Я медленно проваливалась в сон, как в тёмную холодную воду. Но перед тем, как сознание померкло, я услышала шаги за дверью.

Кто-то остановился возле моей комнаты, помедлил. А потом пошёл дальше. Чётки, которые я взяла с собой в кровать, нагрелись в руке.

Пригорело

Я проснулась от холода в незнакомом помещении, наполненном странными звуками и запахами. Серые стены, жёсткая кровать, тусклый свет из-за наклеенной на стёкла плёнки. А потом я вспомнила сразу всё. И святилище, и побег в дом Грантера, и его «ты только мешаешься».

Я села и обхватила себя руками, чтобы согреться. На кровати не было одеяла или даже простыни для укрывания, и я замёрзла. В комнату никто не заглядывал. За дверью слышались шаги, приглушённые голоса, лязг металла.

В ванной вода из крана шла даже горячая. Я умылась, поправила волосы. Почистила зубы новой зубной щёткой, мысленно поблагодарив неизвестного за заботу. Щёки горели, а глаза слипались. Кажется, я плакала во сне, но не собиралась продолжать этого. Я дочь Альфы и сестра Альфы. Я смогу.

Босиком шагнула в тёмный коридор и пошла в сторону голосов. На кухне Грантер сидел за столом вместе с двумя бойцами, которых я видела ночью. Остальные стучали и топали на втором этаже.

Я хотела поздороваться, но горло сжало огненным обручем. Это меня напугало. Я снова забыла, что теперь не могу ничего сказать. Теперь я ещё сильнее жалела брата Джаспера, оглохшего и не научившегося говорить в детстве.

— Доброе утро, — сказали присутствующие, почти хором.

Но если в голосах бойцов была только вежливость, то у Грантера я почувствовала интерес, тут же сменившийся раздражением. Он сжал губы. В ответ я кивнула, стараясь и поздороваться, и скрыть подступающие слёзы.

— Проснулась? — спросил муж. — Нам заблокировали выезд. А доставку мы и сами теперь не рискнём заказывать. Так что весь хлеб сегодня пустим на сухари, а вместо него, пока есть газ, сварим кукурузную кашу. Её можно есть, вместо хлеба. — Грантер выглядел как человек, который израсходовал всю свою норму слов за один разговор. Нахмурился и продолжил, — ты кашу варить умеешь?

Я беззвучно кивнула с самодовольной улыбкой.

— Тогда приступай. Крупа в шкафчике, кастрюлю найдёшь, — а потом, словно спохватившись, добавил, — вода и кукуруза два к одному. Не забудь посолить.

Это было обидно. Чего там варить-то? Он что, думает, я даже кашу сварить не умею? Каша и каша. Самое простое блюдо. Кипя от негодования, я начала искать кастрюлю, крупу, соль и прочее. Громко хлопала дверцами шкафчиков.

Но когда украдкой посмотрела на Грантера, снова видела не только раздражение в его взгляде, но и явную мужскую заинтересованность. Он даже развернулся корпусом, чтобы быть ко мне почти спиной.

И я почувствовала себя девушкой. Не желанной невестой, нет. Доставшейся по воле алтаря, но всё же интересной, привлекательной, живой. А не чудищем, которое бросили на свадьбе.

Я насыпала крупу, залила водой из чайника, поставила на огонь и даже посолила. Когда закипело, сделала огонь потише и решительно придвинула к себе разделочную доску и огромный тесак.

Если им нужны сухари, то я порежу хлеб на кубики, а потом посушу. Мы с Лакстером и Тользином делали себе иногда бесполезные перекусы, обсыпая подрумяненные в духовке кусочки паприкой или подсолёнными специями.

Войдя в медитативный ритм, я резала хлеб вдоль на пласты, потом, так же продольно на длинные брикетки. И только после этого на кубики, которые ссыпала в большую чашку.

Я увлеклась и даже ускорила, размышляя, какие специи могут быть у Грантера. Вряд ли что-то сложное или замысловатое. Чёрный перец и лаврушка, ну, может быть, ещё соль с добавками. Больше у такого, до мозга костей вояки, я заподозрить ничего не могла.

Задумавшись, я резала хлеб на сухарики. С улыбкой занесла тесак над следующим пластом, когда Грантер рявкнул:

— Твою же мать!

Я вздрогнула и вернулась в реальность. На плите шкворчало. Воняло палёным. А когда я подняла крышку с кастрюли, над ней появилась тонкая струйка сизого дыма.

— Ты спалила кашу! Кашу, мать твою!

Он подскочил к плите и выключил газ. Оттянул рукав водолазки и переставил кастрюлю на дальнюю конфорку. Глаз Грантера пылали яростью. У меня было ощущение, что он меня выпшвырнет из кухни, а может быть, и из дома.

Я хотела зажмуриться и выставила перед собой руки защищаясь. Открыла рот. Хотела сказать, что виновата, что отвлеклась, что больше не буду. Но из горла вырвался только беззвучный выдох.

Испуганно отшатнувшись, я больно ударила локтем о ручку холодильника. Грантер качнулся в мою сторону, но ему преградил дорогу Себрин.

— Это просто каша, Гран.

— Она не смогла сварить кашу! Что может быть проще?

— Что угодно. У всех бывают ошибки. Она новобранец. Вернее, даже ещё НЕ новобранец. Считай, что её насильно призвали.

Мне было противно, что меня обсуждают так, словно я была отсюда далеко и не слышала разговора. Бойцы за столом рассматривали стычку с любопытством оборотней, ждущих наказания непокорных щенков вожаком.

Грантера я не видела за спиной Себрина. Только рыжую макушку, которая резко качнулась в сторону.

— Если такой умный, то бери её под крыло. Учи элементарному: варить кашу, драить кастрюлю и делать, что сказали, а не что нравится. И всё это в свободное от собственных заданий время.

— Принято.

— Штатские.

— Зато мы на твоей стороне.

— Хватит болтать. Готовьте еду и драйте кастрюлю. И сделайте хотя бы это хорошо.

Грантер вернулся за стол. А я, пытаюсь унять дрожь в коленях, вцепилась в край столешницы. Едва не стекла на пол, но держалась из последних сил. Потому что реакцию мужа, если бы меня кинулся поднимать Себрин, даже представить себе не хотела. От страха.

На самом деле

Закончив совещание, Грантер, едва взглянув в мою сторону, ушёл вместе с бойцами. Себрин достал другую кастрюлю и, отмерив воду, поставил на плиту. Достал венчик для взбивания яиц и растительное масло.

— Кукурузную крупу надо всё время помешивать, иначе пригорит. Вначале доводим воду до кипения. Потом закручиваем воронкой. Туда аккуратно высыпаем ложки полторы крупы. Ждём, пока снова не закипит. Солим, добавляем масло. Совсем немного. Не больше чайной ложки. А уже потом снова закручиваем воронку и тонкой струйкой высыпаем оставшуюся в стакане крупу. И перемешиваем, перемешиваем и ещё раз, перемешиваем на крохотном огне. Поняла?

Я смотрела на Себрину не понимая, он шутит или говорит серьёзно. Если шутит, то всё логично, ведь каши варятся не так. С маслом или перемешиванием я могла поверить, но зачем делить крупу? Но шутка в такой момент была обидной.

А если всё, что сказал Стальной было правдой, то откуда он это узнал? Не искал же в интернете, зная, что я всё испорчу?

— Ниира, так кукурузная крупа и варится. Её часто используют вместо хлеба. И учат готовить на любых курсах выживания и на службе.

Я вскинула брови с недоверием.

— Я сын Альфы. Хоть и не первый, но каждый из нашей семьи служил. Если не стать будущим вожаком, то составить любому из братьев надёжную опору. К тому же в соседях у нас Всю жизнь были серые и Железные. Два агрессивных клана. Так что, я и кукурузный хлеб сварить могу и стреляю не только на стенде, но и в движении. Так что давай готовить. В этот раз я тебе не дам оставить нас без еды.

Я подошла к плите, и Себрин передал мне венчик. Я начала готовить так, как он объяснил. Стальной, вместо того чтобы стоять рядом и поучать, выбросил в мусорку пригоревшую комковатую массу предыдущей попытки и начал мыть посуду.

— Мешай, чтобы не пригорела... — он не договорил, бросил взгляд на меня и осторожно спросил, — хочешь поговорить?

Я отрицательно замотала головой.

— Понятно, — он вздохнул. — Тогда я побуду рядом. Если захочешь пообщаться, дай знать.

Я не ответила. Себрин драил кастрюлю. Я закручивала воду и сыпала крупу. Потом вливала масло и снова сыпала. И в этом было что-то успокаивающее. Стальной не говорил, что всё будет хорошо. Просто был рядом.

— Знаешь, — сказал он наконец, — когда я пришёл на службу, совсем ничего не умел. Картошку чистил так, что от неё оставался кусочек не больше грецкого ореха. Меня поставили на кухню на месяц. В наказание.

Я подняла голову, посмотрела на него.

— А ты думаешь, эти родились со всеми навыками? — он кивнул в сторону коридора. — Нет. Научились. И ты научишься. Просто время нужно.

Делая вид, что сосредоточена на перемешивании загустевшей каши, я пыталась прогнать непрошенные слёзы. Но не успела. Они потекли по щекам, и мне пришлось вытирать их руками.

— Никто на тебя не злится, — тихо сказал Себрин, протягивая бумажное полотенце. — Ты слышишь? Просто у всех нервы на пределе. А Грантер, — он запнулся, подбирая слова. — Он не умеет показывать, что волнуется. У него это получается только так. Злостью.

Я посмотрела на него. Он встретил мой взгляд и, кажется, понял, что я хочу спросить.

— Ты ему не кажешься никчёмной, — сказал он. — Просто он боится. За тебя. И за нас, за всех. Чувствует колоссальную ответственность и боится не справиться. И не знает, как тебе это сказать.

Я опустила глаза. Чувствовала, что он говорит правду. Но внутри всё равно было пусто. Грантер обещал не предать и защищать у алтаря. А теперь ни на ночь ко мне в постель не пришёл, ни слова доброго не казал.

— Ты хорошая. И нравишься ему. Просто жизнь изгоя накладывает отпечаток. Может, он и жениться не собирался. Потому что боялся навлечь на жену и детей жестокость Железных. А теперь и семья случилась, и ответственности хоть отбавляй, и опасность колоссальная.

Не переставая перемешивать кашу, я посмотрела на Себрина. Тот кивнул и выключил воду. Стальной был серьёзным. Каша тоже получалась хорошей. Значит, ему можно доверять? Или это ничего не значит.

— Я эмпат. Понимаю оборотней лучше, чем они себя. Когда братья выросли, мать просила меня рассказывать, в каком они состоянии. Не ябедничать, а помогать. Один из них бросил учёбу. Я сказал: он влюблён и ему стыдно. На меня косились, а потом разобрались. Брат влюбился в молодую учительницу. Не мог сидеть на её уроках. Не справлялся с чувствами. Его перевели в другую школу, и учёба наладилась.

Себрин выключил газ под ставшей густой кашей. Я посмотрела на него, желая подробностей, но Стальной был лаконичен.

— С Грантером так же. Мы видим только реакцию. Но чувства у него к тебе, на самом деле, добрые. Можно даже сказать, самые светлые из возможных.

Он собирался сказать что-то ещё, но за окнами завывала сирена. Она рубанула по ушам с такой силой, что я присела, закрыв голову руками. А потом едва устояла на ногах, когда в громкоговоритель стали скандировать:

— Вон с нашей земли!

— Ржавого долой!

— Порченную невесту обратно к безродным!

— Мы не потерпим у себя выроdkов!

У меня в груди грохотало сердце, а у Стального крики за окном вызвали только гримасу безразличия. По ступеням загрохотали тяжёлые шаги, и в кухню ворвался Грантер.

— Все по местам! – рявкнул он.

А потом схватил меня за руку и потащил из кухни.

Информационная атака

Грантер тащил меня по коридору с такой скоростью, что я едва успевала перебирать ногами. Босые ступни шлёпали по полу, соскальзывая, но муж и не думал замедляться.

Сердце колотилось где-то в горле, где замерли слова, которые я не могла произнести даже в отчаянье. Себрин рванул вверх по лестнице, а меня Грантер притащил в комнату без единого окна и распахнул створку гардероба.

Он решил переодеться?

Но вместо того, чтобы снять с полки свитер или штаны, Грантер приподнял вешалку с одного конца. Задняя стенка шкафа отъехала, освободив пространство, ещё одного шкафа.

— Здесь тебя не найдут. Будут искать в подвале и оружейке. Пока они будут рыскать, мы найдём способ тебя освободить.

У меня похолодели и стали влажными ладони. Я их вытерла о спортивные штаны на бёдрах. А Грантер, закинув мне матрас в шкаф, начал закрывать дверцу.

Я вцепилась в её край. Спросить не смогу, но может он сам скажет. На лице мужа отразилось нетерпение, но он замер. А потом отчеканил:

— Тебе будет слышно через вентиляционное отверстие, что творится снаружи. Через шкаф – то что происходит в доме. Стенка пуленепробиваемая. Сиди здесь, — сказал он. — Не выходи, что бы ни случилось. Всё. Жди.

Он отцепил мои руки и, подтолкнув за стенку шкафа, сдвинул её до щелчка.

— Лучше сядь или ляг на матрас. Не трать силы. Я вернусь за тобой. Обещаю, - донеслось до меня приглушенно.

Потом я услышала шаги и стук двери. Я осталась одна в полной темноте. Но просто лежать и ждать не могла. Нашла вентиляционное отверстие и прильнула к нему ухом.

Снаружи кричали. Сначала я не могла разобрать слов. Казалось, что снаружи только бес-связный шум. Но потом я смогла различить отдельные злые и резкие голоса. Они кричали перебивая друг друга:

— Выходите!

— Ржавый, покажись!

— Мы хотим видеть невесту!

— Покажите эту Антрацитовую!

— Отдайте нам заложницу!

Я вздрогнула. Они что, думают что меня похитили? Это они так придумали? Или кто-то пустил слух?

— Она была под давлением! Кто по собственной воле выберет ржавого?

Я вскочила, заметалась по темной комнате. Шарила ладонями по стене, но ни рычага, ни кнопки не могла нащупать. Всюду, чего я касалась, были только ровные гладкие поверхности. А снаружи ролдолжали кричать:

— Порченная невеста не может выбирать!

— Она опозорила наш клан!

— Отдайте её нам! Мы знаем как поступить с неразборчивыми чужачками!

— Она наша!

Я прижалась к стене, слушая, как голоса становятся всё громче. В них не было спонтанной ярости. Они звучали так складно, словно многократно отрепетированная музыка. Как будто слова раздали и установили очерёдность.

— Невеста не чтит законов!

— Она вела себя неподобающе в святилище!

— Её пожалели, а она заигрывала с другими!

— Наследнику не нужна певичка без чести!

У меня перехватило дыхание. Это не просто толпа. Это постановочный митинг. Кто-то организовал этих людей. Кто-то заплатил им. Кому-то нужна была орава вокруг дома с лозунгами.

А потом голоса разделились.

— Прогнать изгоев с территории стаи!

— Пусть убираются!

— Нет! Пусть дадут интервью! Мы хотим знать правду!

— Интервью! Интервью! Интервью!

Я сжалась в комок на матрасе. «Журналисты» и «протестующие» работали в поочерёдно. Одни требовали изгнания, другие — публичного унижения. И как только замолкали требования одних, их место в эфире занимали другие.

Они хотели противоположного. Но обе группировки требовали, чтобы мы вышли на улицу. А вот что случится дальше, можно было только предположить. Но я была уверена, что ничего хорошего.

А потом что-то грохнуло и на улице сначала заголосили сильнее. Потом послышался рёв машин. А потом наступила почти что тишина. Через несколько секунд вновь взорвавшаяся криками. Но теперь в них было не только возмущение. В них был страх.

Я слышала, как кто-то командует:

— Не подходите! Они опасны! От изгоев одни проблемы!

В своём убежище я слышала рёв двигателей, шорох шин по асфальту, крики, хлопанье дверей. Шуршание шин. Кто-то заводил машины, чтобы уехать. Хлопали двери, но уехали не все. Остались самые жадные.

— Мы не уйдем! — крикнула женщина. — Мы имеем право знать! Дайте нам интервью!

— О чём говорить с изгоями? Пусть катятся к Антрацитовым!

И снова шум, шаги, крики, гул моторов. Я стояла в темноте и слушала, как они уходят. Не все. Кто-то остался, я чувствовала. Но их стало меньше. Снизился накал, а потом и вовсе голоса стали обрывочными, редкими.

А потом я услышала стук двери. Мужские шаги, которые узнала моментально, как инструмент, на котором играла всю жизнь, и практически стала его частью. Меня подкинуло вверх.

Щелчок. Стена откатилась в сторону. Грантер стоял на пороге, и свет из коридора падал на его усталое лицо. Но глаза были спокойными.

— Мы их разогнали, — сказал он. — Пока.

Я шагнула к нему. Хотела спросить, что будет дальше. Сказать, что испугалась и слышала выкрики. Просто коснуться его. Согреться в его силе и спокойствии. Но я ничего не могла. Только ждать.

— Это только разведка, — сказал он. — Они проверяли, как мыотреагируем. Прощупывали слабые стороны. Пытались запугать и дестабилизировать перед пресс-конференцией Альфы стаи и его сына Фарта. Эти не будут стесняться в выражениях.

Он зло сжал губы, а я всхлипнула от переполняющего меня волнения. Мне не хотелось снова плакать. Но и сдержаться не было никаких сил. Я постаралась проскользнуть мимо, но неловко задела бедром.

А дальше время стало тягучим, насыщенным и ярким. Я увидела отблеск света в рыжих волосах, вдохнула хвойный терпкий запах. А потом провалилась в защиту его горячих мужских объятий и ненасытную жажду губ.

Пресс-конференция

Себрин уже сидел за кухонным столом, уставившись в экран ноутбука. Невысокий парень, которого я видела только мельком, возился в углу с проводами.

Камера показывала зал для официальных заявлений. Подиум со столами, уставленными микрофонами. На заднем плане — герб Железных. Перед ними группа журналистов. Они то и дело переговаривались, переходили с места на место.

— Скоро начнут, — сказал Себрин. — Раскачивают аудиторию. Нагнетают.

И правда, движение в зале стало ещё нервнее. Я села рядом со Стальным. Грантер сел с другой стороны от меня. Я чувствовала его тёплое дыхание. А по сжатым в кулаки рукам видела напряжение. Хорошего он не ждал.

Сбоку появились люди. Трое в строгих костюмах, с проводочками к уху, качнулись в сторону журналистов, ждущих сенсации. Толпа заволновалась, но замерла возле обозначенной черты.

И только после этого появились Альфа Железных и его наследник. Я судорожно сжала чётки. Жёрлин вышел первым. Он двигался медленно, уверенно, как человек, который привык, что его слушают.

Но вместо того, чтобы пройти к месту у стола, он взял в руку стойку с микрофоном и, поставив её посередине свободного пространства, остался на ногах. Он не оглядывал собравшихся. Смотрел прямо.

Фарт встал позади, сложив руки на груди. На его лице застыло выражение скорби. Весь его внешний облик говорил: я страдаю, но меня не сломить. Беда велика, но мне по силам с ней справиться. Я уже начал справляться.

В комнате стало тихо, словно с обеих сторон экрана не было ни одной живой души.

— Сложно назвать этот день добрым, поэтому здравствуйте, — сказал Жерлин низким вкрадчивым голосом, в котором можно было уловить нотки сдерживаемого страдания. — Я благодарю вас за то, что вы пришли. Сегодня я хочу рассказать об инциденте, случившемся в нашей семье. Прояснить ситуацию, которую наши недоброжелатели уже успели исказить.

Он помолчал, давая камерам время взять крупный план.

— Все вы знакомы с моим наследником. Фарт не раз проявил себя как хороший сын, чтящий традиции. Он вырос на ваших глазах. Вы видели его и в забегах в полнолуние, и на ледовых переправах, и на ритуальных охотах. По качеству его личности у вас вопросов быть не может.

В зале раздались экзальтированные возгласы. Хорошо, что в обморок никто не упал. А мне сдавило тяжёлым обручем грудь и стало тяжело дышать.

Грантер навалился на стол, навис над экраном. Себрин потянулся ладонью к моему запястью. Муж так посмотрел в его сторону, что Стальной отдёргнул руку и отклонился в противоположную сторону.

А Жерлин продолжил с нарастающей скорбью в голосе:

— Наш клан, чтущий традиции, решил принять в свою семью девушку из Антрацитовых. Ниiru. Дочь почившего Альфы Чёрных Гордона и сестру Альфы Антрацитовых. Мы хотели дать ей шанс. Дом. Защиту. Будущее.

Он вздохнул, изображая сожаление. Приподнял голову, немного опустив глаза. У него был вид сильного человека, боровшегося с болью и несправедливостью.

— Но она не оправдала нашего доверия.

Я вцепилась в край стола. Грантер накрыл моё плечо своей тяжёлой тёплой рукой. Слегка надавил, не давая вскочить на ноги от переживаний. А в зале среди журналистов раздались вздохи и сочувствующие вскрики.

— Она осквернила святилище! — резко выдохнул Жерлин, вскинув взгляд в камеру. — Наследник был верен традициям. Он призвал кровников, находившихся рядом. Но на клич явились не только славные представители Железных, но и отщепенцы. Рыжий изгой, именуемый Грантером, чья мать вероломно обманула меня двадцать семь лет назад, и Стальной Себрин, в чьих предках затесалась неразборчивая волчица из нашего клана.

Он поднял голову ещё чуть выше, а руки сжал в кулаки. Лицо взяли крупным планом, и межбровная складка почти кричала о тяжести, свалившейся на Альфу.

— Ниира из Антрацитовых. Переселённого племени без своего алтаря. Певичка. Она вела себя неподобающе. Вместо того чтобы следовать традициям, она строила глазки другим оборотням. Пыталась манипулировать. Нарушала законы, которые веками чтит наш клан.

По залу прокатился шёпот. Журналисты заволновались, защёлкали затворы камер. Оборотни переглядывались, словно ища поддержки.

— Мы пожалели слабую кровь, — голос Жерлина стал жёстче. — А она ответила нам неуважением. Фарт, мой сын и её жених, вынужден был отказаться от позорящей его невесты. Потому что достойный оборотень не может связать свою жизнь с той, кто не чтит законов. Кто не уважает традиции. Кто выбирает позор вместо чести. Тем более так не может рисковать наследник.

Фарт сделал шаг вперёд. Камеры тут же переключились на наследника.

— Мне жаль, — сказал он, и его голос дрогнул. — Я хотел дать ей шанс. Но она выбрала изгоя. Того, кто своим рождением опорочил наш клан и не научился уважению.

Он сделал паузу, чтобы каждый мог понять смысл слов и ощутить горечь предательства.

— Вы знаете, о ком я говорю. О Грантере, сыне неверной матери. О том, кто с детства позорил нашу семью своим рыжим цветом предательства. Ведь всем известно: в роду железных ржавых нет.

У меня перехватило дыхание. Я смотрела на экран и не верила. Они всё перевернули. Оскорбили меня, поливали грязью Грантера. Его мать. Его прошлое, настоящее и будущее. То, что было дорого.

— Певичка выбрала его, — продолжал Фарт. — Предпочла изгоя вместо наследника. Выбрала позор вместо чести. И теперь пусть живёт с этим выбором. Потому что кровь не вода. Она укрепляет клан. За чистой кровью — успех всей стаи. Спасибо, что разделили со мной мою скорбь.

Он снова отошёл, встав за правое плечо отца. Жерлин моментально продолжил:

— Мы не будем преследовать эту девушку и мстить, — сказал он. — Мы просто хотим, чтобы все знали правду. Ниира из Антрацитовых — не невеста для нашего сына. Не равня ему. Она певичка без чести. Слабая кровь. Та, кто не достойна носить имя Железных.

Он посмотрел прямо в камеру. Я чувствовала, что он смотрит на меня.

— Что касается Грантера, — добавил он, — он давно не наш. Он выбрал свою судьбу сам. И теперь пусть пожинает плоды. Предательство было для нас неожиданным. Но мы справимся и найдём подходящую невесту с сильной кровью для нашего наследника.

Жерлин качнул головой. Зал взорвался вопросами. Журналисты тянули руки, перекрикивали друг друга. Альфа поднял руку, призывая к тишине.

— На этом пресс-конференция закончена. Все подробности — в нашем официальном заявлении. Спасибо за внимание.

Он повернулся и ушёл. Фарт — за ним. Но перед этим он выкрикнул:

— За чистую кровь, Железные!

И группа поддержки в зале взорвалась криками: «За чистую кровь, Железные!» Мы замерли у экрана.

— Это ложь. Жерлин знал заранее. И он не так заботится о чистоте крови. У него какой-то другой интерес, — прокомментировал Себрин. — А вот Фарт в это верит. Его призыв в конце был совершенно искренним.

Грантер посмотрел на меня. Потом на бойцов, замерших в дверях.

— Разумеется. Перед его глазами мой пример. Он всю жизнь доказывает отцу, что чистопородный. И теперь нам надо готовиться к настоящей войне, — сказал он. — Фарт не отступит. Особенно при грамотном натравливании Жерлина. Поэтому займёмся делом. Выполняйте свои задания.

Мужчины, включая Себрина, вышли из кухни. Я попыталась встать, но Грантер остановил.

— Ты со мной? Ты пойдёшь до конца?

Я кивнула. Сжала его руку. Сильнее, чем когда-либо.

— Тогда не бойся. Мы справимся.

Я смотрела в глаза Грантера и верила. Потому что выбора у меня не было. Потому что теперь мы оба были изгоями на чужой враждебной земле. И нам не приходилось выбирать друзей.

На разрыв

В доме то становилось тихо. Словно в нём не было никого. То вверх и вниз пробегали, стуча ботинками, оборотни. Я старалась не приставать и не мешаться под ногами.

Я ушла в свою комнату и, сжимая чётки, сидела на кровати. Пальцы онемели, и я не могла их разжать. Яд слов Жерлина и Фарта продолжал разъедать меня изнутри, хотя пресс-конференция давно закончилась.

В голове стучало: «Певичка без чести. Слабая кровь». И взгляды прямо в камеру. И ощущение, что это я всё разрушила. Бессовестная и наглая осквернила святилище, а потом выбрала изгоя.

В дверь постучали. Ответить я без голоса не могла. Стукнула в ответ. Дверь тут же открылась, и вошёл Грантер. Остановился на пороге. Оглядел меня от макушки до пяток. Протянул носки.

— Ты как?

Грантер выглядел уставшим. Под глазами залегли тени, а рыжие волосы, казалось, потускнели в неярком дневном свете, проникающем из-за защитной плёнки на окнах. Я пожалала плечами. Как я могу быть?

Он протянул мне листок, сложенный в несколько раз, и карандаш. Я схватила его с радостью.

— Нужно позвонить маме, — нацарапала я, едва не сломав от нетерпения грифель.

Грантер нахмурился.

— Сейчас нельзя.

Я вскинула брови.

— Почему? — написала я размашисто.

— Связь контролируют. — Он подошёл ближе, сел на край кровати. — Они могут подключаться к нашим разговорам. Использовать их для твоего запугивания, а полученный материал — для дальнейшего разгона ненависти во всех средствах массовой информации. Не надо давать им в руки козыри.

— Я просто хочу поговорить с мамой. Сказать ей, что у меня всё хорошо, — всхлипнув, ответила я.

— Ты же видела, как они перевирают правду. Не только обыватели, но и журналисты — все охотятся за сенсациями. Ты хочешь, чтобы начали поливать грязью и Лукрецию?

Я опустила голову.

— Но она волнуется, — написала я на листке. — Она не знает, где я и что со мной.

— Она знает, что ты жива. — Грантер положил руку на моё плечо, сжал. — Лакстер ей сказал. Наши координаты я отправил твоему Альфе сразу. После пресс-конференции отписался, что у нас всё штатно. Они знают. Большого пока не надо. Да у нас и нет другого.

— Я хочу её услышать, — нацарапала я, проткнув в одном месте лист насквозь.

— Нельзя, — повторил он. Твёрже. — Ниира, пойми. Сейчас нельзя.

Я отвернулась. Он посидел ещё немного, потом встал.

— Отдыхай. Завтра будет тяжёлый день.

Дверь закрылась. Я осталась одна. Но сидеть на одном месте после всего этого я не могла. Я открыла дверь, выглянула в коридор. В конце коридора боец, который возился с проводами, настраивал рацию. Рядом с ним лежали плеер и наушники.

Я подошла и тронула его за плечо. Он обернулся, удивлённо глядя на меня.

— Вам что-то нужно?

Я указала на наушники. Потом на себя. Написала вопрос:

— Можно взять?

Он колебался секунду, потом кивнул.

— Берите. У меня запасные есть.

Я благодарно кивнула и, взяв наушники с плеером, пошла на кухню. Я же могу быть полезной. Приготовлю пока ужин. На столе стояла тушёнка и рисовая крупа. Это просто. Это я смогу.

Тем более что у меня теперь было проверенное средство. Музыка помогала мне в самые сложные моменты. Когда старший Лакстер ушёл в Бездну. В момент, когда он пропал вместе с женой Альфы Серых.

Музыка давала мне надежду в тот день, когда мы отправляли Тользина, чтобы он убил то, чем стал старший брат. И помогала не сойти с ума узнав о выздоровлении Лакстера.

Даже на похоронах отца я слышала музыку, сопровождавшую траурную церемонию, и могла сохранить рассудок. Музыка и песня спасали меня и возрождали из пепла, как птицу Феникс.

Музыка всегда помогала. Я включила плеер и улыбнулась в ожидании счастья. Услышала первые ноты и замерла. Аккорды ударили по ушам моей последней песней. Той, которой я заканчивала концерты.

Я успела услышать свой голос, а потом рухнула на колени от скрючившей меня боли. Я понимала, что никогда больше не смогу спеть ничего подобного. Да и другое тоже.

Но от боли разрывалась не только душа. Тело тоже ломало и корёжило. У меня стучало в висках, а мозг пронзало миллионом иголок от каждой ноты, от любого взятого аккорда.

Я вырвала из уха один наушник и отбросила в сторону окна. Второй полетел туда же. Я заскулила и отползла в сторону двери, держась за голову. Пыталась прийти в себя, но продолжала плакать. Сжалась в комок.

Я зажала уши руками. Закрыла глаза. Но музыка продолжала звучать в моей голове. И голос. Мой голос, которого больше не было нигде, кроме записей и памяти зрителей.

Открыв рот, я попробовала закричать, но из горла вырывался лишь хриплый стон, прерываемый рыданиями. Мне казалось, что свет померк и меня начал затапливать мрак.

Я кричала без звука снова и снова. Рвала горло, но музыка внутри продолжала разъедать меня, как кислота.

— Ниира!

В комнату ворвался Себрин. Он схватил меня за плечи и попытался поставить на ноги, но я выскользнула из рук.

— Что случилось? Ты в порядке?

Я замотала головой, не имея возможности объясниться. Себрин понял всё сам, увидев плеер на столе.

— Ты включила музыку?

Я кивнула.

Он подхватил меня на руки и усадил к себе на колени, устроившись на кухонном стуле.

— Больно?

Я кивнула снова.

— Невыносимо?

Я кивнула ещё раз.

— Значит, не надо включать музыку.

Теперь я мотала головой, как сумасшедшая. Схватила листок и карандаш. Нацарапала кривыми буквами:

— Это единственное, что меня успокаивало. Без этого не стоит жить.

— Не смей так говорить. Просто у тебя теперь другое восприятие, и надо искать новые радости. Другие способы справляться с тяготами мира.

Легко сказать. Я горько хмыкнула. Это только на словах просто. А на деле — изменить всю жизнь. И при этом Себрин был таким спокойным, что хотелось ему поверить.

— Можно я помогу тебе их найти? — спросил он, глядя мне прямо в глаза.

А потом медленно протянул руку, словно предложил этим жестом помощь, защиту, надежду. Я смотрела на его раскрытую ладонь, чувствуя, как внутри утихает боль. Как душа наполняется светом.

И в этот момент дверь с грохотом распахнулась. На пороге стоял взъерошенный Грантер. У него были красные глаза, и пахло зверем от недавнего оборота.

— Себрин, ты что творишь? — рявкнул он. — Бросаешь мне вызов, разбивая пару?

Он рванулся к нам со сжатыми кулаками. Я зажмурила глаза

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.